

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ПОМЕСТЬЕ
С ПРИВИДЕНИЯМИ

Ради семьи
надо дарить жизнь,
а не отнимать...

Желание женщины

Людмила Мартова

Поместье с привидениями

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартова Л.

Поместье с привидениями / Л. Мартова — «Эксмо»,
2023 — (Желание женщины)

ISBN 978-5-04-186985-4

Писательница Глафира Северцева, главная героиня нового романа Людмилы Мартовой «Поместье с привидениями», оказывается втянута в странные события. Когда Глафира собиралась поработать над новой книгой на природе, она и представить себе не могла, что окажется на месте преступления. После семейного торжества найдена убитой Инесса Резанова, хозяйка поместья, у которой гостила Глафира. К тому же пропали очень ценные вещи. Неужели убийца – кто-то из наследников? Или тайны прошлого дождались своего часа? И что за привидение прячется на чердаке дома? Чтобы не погибнуть самой, Глафире придется помочь Глебу Ермолаеву. А может, это ее судьба...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186985-4

© Мартова Л., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава первая	10
Глава вторая	26
Глава третья	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Людмила Мартова

Поместье с привидениями

© Мартова Л., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Людмила
МАРТОВА

ПОМЕСТЬЕ
С ПРИВИДЕНИЯМИ

МОСКВА

2023

В ночь на 12 августа выпало последнее в этом году суперлуние. Луна приблизилась максимально близко к Земле, отчего казалась на четырнадцать процентов больше и на тридцать процентов ярче, чем во время полнолуния. Наблюдать ее такой, правда, было можно в 3 часа 36 минут по московскому времени, а желающих не спать в столь поздний или, наоборот, ранний час, разумеется, немного.

На ту же ночь этим летом пришлось и звездопад Персеиды. Астрономы из Московского планетария обещали от ста до ста пятидесяти падающих звезд за час, поэтому полюбоваться на необычное явление, а заодно и загадать желание очень хотелось. Смотреть на небо ученые предлагали в сельской местности, и усадьба Резановых в этом плане подходила как нельзя лучше.

Правда, туда еще нужно было пробраться так, чтобы не заметила старуха. Незваных гостей она гоняла нещадно, вкладывая в это всю мощь своего несносного характера. Разумеется, ее никто не боялся, просто неприятно, когда тебя на пустом месте кроют отборной бра-нью.

Ругалась старуха виртуозно. Матерных слов она, конечно, не использовала, говорила на хорошем литературном русском языке, вот только легче от этого не становилось. Не язык у нее, а раздвоенное змеиное жало, и нанесенные укусы, пусть и не смертельные, заживали долго и болели нещадно.

Нет, попадаться на глаза старухе, которую все в округе называли не иначе как графиня, было нельзя, поэтому, чтобы наблюдать метеорный поток и необычайно яркую луну с удобством и комфортом, предстояло разработать чуть ли не шпионскую операцию. Сначала хотели приплыть на лодке, чтобы под покровом ночи пристать к пирсу, с которого их несколько дней назад злобно прогнали. Однако водный путь после некоторых раздумий был сочтен небезопасным, поэтому пробирались по суше.

Из дома вышли, когда наконец уgomонились и уснули все домочадцы. Часы к тому моменту уже показывали начало первого, так что какое-то количество падающих звезд они точно пропустили, но что ж поделать. Озеро обошли берегом, свернули в деревню, огибая участок с острой осокой, прошли краем, чтобы не растревожить брехучих собак, способных своим лаем перебудить всю округу.

Дорога к собственно усадьбе была совершенно открытой, однако в столь поздний час никто на ней не встретился. Не доходя до главных ворот метров сто, пришлось нырнуть в кусты, чтобы перелезть через забор в заранее продуманном месте. Оттуда до озера было уже рукой подать.

О чрезмерной любви графини к видеокамерам в деревне судачили постоянно, поэтому к основному дому, темному, страшному, скрипучему, приближаться не стали, а уж к флигелю, где жила старуха, тем более. Березовая роща, которая начиналась сразу за забором и заканчивалась практически на берегу, хорошо скрывала незваных гостей, высокая, давно не кошенная трава мягко глушила шаги.

Вкусно пахнувший клевером косогор и был последней точкой путешествия. На нем расположились с удобством, улегшись на спину и вперив жадные глаза в темное летнее небо.

Август в этом году выдался небывало жарким, такого и старожилы не помнили, поэтому даже ночью было градусов восемнадцать, не меньше. Легкие курточки, прихваченные из дома, позволяли не чувствовать ночную прохладу.

– Во-о-он, смотри!

Пролетела первая звезда, за ней упала прямо в озеро вторая, потом третья. Ежегодно появляющийся на небе метеорный поток назывался так, потому что формировался в созвездии Персея. Правда, наблюдающая за ним парочка понятия об этом не имела, равно как и о том, что это явление упоминалось в китайских, корейских и японских исторических документах еще с восьмого-девятого века.

Ни исторический, ни научный смысл происходящего праздных зрителей не интересовал. Просто в наблюдении за потоком Персеиды, о котором они услышали сегодня утром по телевизору, и загадывании желания под падающие звезды крылась романтика, которой так не хватает в жизни. На какой-то час-полтора они уснули, обнявшись, потому что смотреть на небо всю ночь все-таки довольно скучно. Но проснулись ровно в половине четвертого, словно кто-то в бок толкнул.

А может, и правда толкнул. Про усадьбу в деревне много разных слухов ходило, в том числе и об облюбовавшей ее нечистой силе. Если это правда, то старая графиня точно один из ее стражей. То ли Касикандриэра, то ли Астарта. Разумеется, эти имена ничего не говорили лежащей в траве паре.

Как бы то ни было, они проснулись как раз в тот момент, когда огромная огненная луна встала над озером, любуясь своим отражением в тихой стоячей воде. Это было так красиво, что захватывало дыхание, а еще отчего-то становилось так жутко, что оба, не сговариваясь, как по команде начали дрожать, да так сильно, что даже зубы клацнули.

Луна казалась зверем. Живым, диким, агрессивным зверем, который вышел на кровавую охоту. В воздухе пахло опасностью, а еще, пожалуй, смертью. Словно Люцифер или Астарот бродили где-то рядом. Правда, и про них дрожащая на берегу парочка тоже ничего не знала.

Среди ночной тишины, в которой над застывшей гладью озера не раздавалось ни звука, вдруг послышался тихий отчетливый скрип. Так скрипят несмазанные оси деревянной колесницы, управляемой, возможно, все тем же Люцифером, хотя в данном случае это был всего лишь выкрашенный бело-красной краской бакен, зачем-то торчащий из середины озера.

Кто и зачем поставил его здесь, было непонятно, поскольку маленькое озеро никак не могло претендовать на судоходность. Не наблюдалось на нем никакого фарватера, да и с тем, чтобы переплыть с одного берега на другой, мог справиться даже не самый лучший пловец. И все же бакен покачивался в воде, чуть поскрипывая под внезапно поднявшимся ветром.

– Пойдем отсюда, – шепотом попросила девушка. – Мне страшно.

– Чего ты испугалась, дурында? – спросил молодой человек. Он ни за что бы не признался, что ему тоже страшно, хотя совсем недавно он готовился к этой ночи, предвкушая небольшое забавное приключение. – Это всего-навсего луна и ветер. Дурацкий бакен скрипит. Кому он здесь нужен?

– Все равно пойдем. Такое чувство, что за нами кто-то наблюдает, – девушка зябко передернула плечами. – И вообще спать хочется.

– Нет тут никого, – сказал парень с уверенностью, которой вовсе не испытывал.

Сейчас он тоже всей кожей ощущал чей-то взгляд, то ли тревожный, то ли оценивающий. Взгляд жег лоб, а еще, кажется, груди, и ее все время хотелось почесать через футболку.

– Ладно, пойдем, – смиловился он над своей подружкой, испуганно вцепившейся ему в руку.

От страха позабыв о конспирации, они не стали возвращаться тем же путем, которым пришли, а открыто двинулись по выложенной из песчаника дорожке, ведущей от озера к жилым строениям усадьбы. Путь их проходил мимо пирса, того самого, к которому они пристали на лодке несколько дней назад, чтобы вдоволь с него понырять, и с которого старуха их облаяла особенно злобно.

Они тогда быстро ретировались в лодку и отплыли, судорожно и бестолково загребая воду веслами, чтобы оказаться как можно дальше, но ее тонкий, тоже чуть скрипучий голос разносился над озером, эхом отражаясь от поверхности воды, удваивая все обидные и злые слова, жалившие, словно осы.

Сейчас графиня никак не могла их обидеть. Мертвое тело, распростертое в воде под пирсом, уже никому и никогда не причинит вреда. Приоткрытый рот, забитый водорослями, не произнесет беспощадных слов. Скрюченные предсмертной судорогой пальцы не сложатся

в грозящий страшными карами жест. Седые волосы, обычно собранные в строгий пучок на затылке, распущенные сейчас, шевелились в водной толще, похожие на змей, как если бы старуха была Медузой горгоной.

Про горгону молодые люди тоже не знали, да и тело старухи не видели. Повернувшись к луне спиной, они уходили от озера все дальше и дальше, не подозревая о том, что глазок видеокамеры, установленной на одиноком бакене, бесстрастно фиксирует их отчетливо выделяющиеся в свете луны фигуры.

Графиня была помешана на видеонаблюдении. Вот только избежать встречи с убийцей оно ей не помогло.

Глава первая

Глафира

В доме кто-то ходил. Этого никак не могло быть, потому что Глафира знала, что, кроме нее, здесь никто не живет. Именно в этой, восточной части дома она совершенно точно находилась одна. Полностью отреставрированной и готовой для проживания была другая, западная часть. Сразу по приезде Инесса Леонардовна отвела ее туда на экскурсию, заметив мимоходом, что предоставить одну из светлых, со вкусом отремонтированных и обставленных спален не может, потому что каждая из них закреплена за кем-то из членов семьи. Глафира тогда пробормотала, что понимает и ни на что не претендует.

Покои (хозяйка поместья так и сказала про выделенную ей комнату – «покои»), в которых ей предстояло провести ближайшие несколько месяцев, располагались в заброшенной половине, той, до которой пока не дошли руки. К счастью, система отопления и водоснабжения в доме была реконструирована полностью, поэтому в ванной комнате из кранов лилась вода, горячая и холодная, а в случае дождя и внезапного похолодания можно было включить газовый котел, однако во всем остальном обстановка напоминала мрачные английские фильмы, действие в которых происходило в древнем замке, населенном призраками. Против призраков Глафира ничего не имела.

Она даже видела некоторый перст судьбы в том, что очутилась именно в таком месте, ведь незадолго до того, как Глафира оказалась в Резанке, то есть в имении Резановых, разумеется, самый важный в ее жизни человек сбросил ей в мессенджере телефона картинку из интернета с мрачным готическим домом, надпись под картинкой гласила: «Тебе надо купить задешево поместье с призраками, коль все равно постоянно тревожишься».

Купить себе поместье, даже подозрительно дешевое, Глафира, конечно, не могла. А вот тревожилась она действительно постоянно, похудев от этого почти на десять килограммов. Как говорила, качая головой, мама, «практически иссохла». Основным поводом для тревоги был все тот же самый важный в жизни человек, к сожалению, давно и прочно женатый.

К этому обстоятельству Глафира старалась относиться спокойно, потому что его несвобода входила в первоначальное условие задачи. При знакомстве он не скрывал, что женат, решение вступить с ним в отношения Глафира принимала с открытыми глазами, и штамп в паспорте ее ничуть не смущал, а значит, связанные с этим правила поведения и ограничения, на него накладываемые, должна была принимать без нытья и жалоб. Она не ныла и не жаловалась. И ни на что не рассчитывала.

У нее и в мыслях не было, к примеру, уводить любовника из семьи, с которой он прожил более двадцати лет. Она просто любила этого человека. Любила истово, до головокружения, до сладкой сердечной боли, до потери себя, и его спокойствие и комфорт значили для нее гораздо больше, чем ее собственные желания, мечты и надежды.

И ее тревоги были вызваны не тем, что она не могла быть постоянно рядом, когда он вечером приходит с работы домой, спать с ним в одной постели, вместе выбирать, что приготовить к приходу гостей, или обсуждать, какого цвета в этом году должны быть игрушки на елке. Нет, она тревожилась из-за того, успел ли он поесть посередине рабочего дня, не промочил ли ноги, уехав в командировку и попав там под дождь, не вызвано ли его отсутствие в мессенджере в течение нескольких часов внезапной болезнью, не попал ли он в аварию по дороге с работы, и из-за еще тысячи подобных мелочей, которые приключались ежечасно. И к годовщине их знакомства она совершенно выбилась из сил.

Глафира чувствовала себя не молодой, цветущей, здоровой женщиной, а старушкой, у которой постоянно кружилась голова, темнело в глазах, подкашивались ноги и надсадно болело в груди. Еще она практически перестала спать. Не засыпала до половины второго ночи, крутясь в постели и переключая нагретую горячей от тяжелых мыслей головой подушку, потом ненадолго забывалась тревожным сном, полным каких-то обрывочных сновидений, и открывала глаза в половине пятого, чувствуя себя лампочкой, которую дернули за выключатель. Самочувствия это не улучшало и настроения тоже.

Относительно живой она чувствовала себя только в те дни, когда возлюбленный оповещал ее о свидании, а в остальное время напоминала самой себе спящую царевну, которая покачивалась в подвешенном на цепях стеклянном гробу в ожидании, когда же звякнет телефон, принесет заветное сообщение. Впрочем, надо было отдать любимому должное – писал он регулярно и со вкусом, поскольку делиться с Глафирой своими мыслями и распорядком дня вошло у него в привычку. Как же ее это радовало!

Про ее дела он, наоборот, почти никогда не спрашивал, потому что, по его разумению, никаких серьезных дел у нее быть не могло. Не считать же таковыми написание женских романов. Да, Глафира была писателем, причем довольно известным.

На ее счету числился уже тридцать один роман, вовсе даже не женский, а социально-психологический, в котором, конечно, была обязательная любовная линия, но и историческая подоплека имела тоже, и глубина человеческих взаимоотношений прописывалась обязательно, иногда и детективная линия прорисовывалась, если это казалось к месту, а вот «соплей в сахаре» не было вовсе, потому что Глафира их не признавала. Вообще она писала то, что любила сама читать, и ниша эта в отечественной литературе была, разумеется, не свободна совсем, но и не сильно занята.

В том, что это настоящая литература, Глафира не сомневалась, особенно после того, как взяла парочку довольно престижных литературных премий. И сериалы по ее книгам снимались и показывались на втором канале, и переговоры о переводе на другие языки велись, правда, до определенных событий, после которых с другими языками стало как-то не очень, так что переговоры пришлось свернуть.

Доходы от литературной деятельности позволяли уйти наконец с постылой работы, на которой Глафира последние годы просто тянула лямку. Написание книг занимало три часа в день, а совсем без дела она не могла, поэтому брала разовые заказы по разработке рекламных кампаний, а еще писала биографии известных людей. Разумеется, тех, кто мог себе позволить заплатить за это немалые деньги. Нанять Глафиру Северцеву далеко не каждому по карману.

Ее приезд в Резанку был вызван стечением обстоятельств. То есть в имение Резановых, разумеется. Во-первых, три месяца назад ей поступил заказ на написание биографии крупного бизнесмена, входящего в первую десятку российского списка «Форбс», чье якорное предприятие располагалось именно в их области.

На первые две встречи, предполагавшие знакомство и, как понимала Глафира, вынесение личного оценочного суждения о ней и ее профессионализме, она съездила в Москву. Еще одна личная встреча состоялась уже здесь, в регионе, когда олигарх, магнат и миллиардер приехал на родное предприятие, куда навещался не чаще раза в месяц. А остальные получасовые интервью проходили уже онлайн.

Глафира тщательно готовилась к этим встречам, заранее отправляя список появившихся у нее вопросов, но и ее наниматель тоже относился к этому серьезно, припоминая случаи из собственной жизни, не скупясь на эмоции и стараясь придерживаться правды. Глафира была достаточно умной женщиной, чтобы понимать, что правда далеко не вся, но искренность, пусть и дозированную, ценила.

За прошедший квартал ей удалось накопить и систематизировать всю необходимую информацию, и теперь ее предстояло облечь в текст, сплести из слов-бисеринок красивый,

легкий, радующий глаз узор, чтобы увлекательная его вязь не отпускала читателя, заставляя двигаться от страницы к странице до тех пор, пока вся книга не будет прочитана. Эта стадия работы требовала полного погружения, с одной стороны, но делать ее можно было из любой точки земного шара – с другой.

Во-вторых, любимый мужчина Глафиры уезжал в трехмесячную командировку. Точнее, улетал на Урал, где располагался один из заводов компании, в котором он трудился операционным директором. Запускалась какая-то новая конвейерная линия, и работа по ее наладке требовала личного присутствия на протяжении длительного времени. Как бы то ни было, свидания на три месяца отменялись, а значит, пребывание в родном городе теряло остатки всяческой привлекательности. Зачем ей этот город, если в нем нет единственно важного человека.

В дополнение ко всему Глафира чувствовала просто нечеловеческую усталость. Каждое утро, открывая глаза, она понимала, что у нее нет сил даже на то, чтобы спустить ноги с кровати. При этом ее ждал день, полный необходимости работать, встречаться с заказчиками, а для этого нужно было наряжаться, приводить в порядок лицо и волосы, улыбаться людям, старательно делая вид, что ей не все равно. И откуда, спрашивается, брать на это силы.

По-хорошему, ей требовался отпуск. Больше всего на свете Глафира хотела бы, просыпаясь утром, видеть в окне набегающее на берег море, слышать крики чаек и вдыхать соленый влажный воздух, уносящий все печали. Но турецкие отели стоили в этом году столько, что ни одна подруга не могла потянуть такую поездку по финансовым причинам, а брать местный сыт было непозволительной роскошью уже для самой Глафиры. Да и не любила она путешествовать в одиночку.

В начале лета любимый мужчина обещал ей, что в сентябре обязательно выкроит хотя бы неделю, чтобы свозить Глафиру на море и провести несколько дней вместе, и она с предвкушением ждала сентября, пока в начале августа не выяснилось, что ему предстоит трехмесячная командировка. Самое противное заключалось в том, что не зная о планах компании заранее возлюбленный никак не мог, а значит, обещание совместного отпуска было сказкой, дымкой, то есть, как ни крути, обманом. И от этого обмана она чувствовала себя гораздо хуже, чем от собственно крушения планов и отсутствия в ее жизни моря.

В общем, внутренний мир пребывал в руинах, Глафира в депрессии, жизнь представлялась бессмысленной, беспощадной и беспросветной. «Бес, бес, бес», – шептал противный голос внутри головы, но на борьбу с внутренними бесами сил не было совсем. Ни капельки. И тут маме позвонила Инесса Леонардовна.

Она была старинной маминой приятельницей, знакомой десятки лет, но так и не перешедшей в разряд подруг. Когда-то она была женой очень богатого человека, построившего крайне прибыльный бизнес в девяностых, приумножившего свое благосостояние в двухтысячных и удачно вложившего капитал, который после ухода от дел приносил немалый пассивный доход.

Инесса Леонардовна была второй его женой и, будучи на пятнадцать лет моложе мужа, восемь лет назад осталась весьма обеспеченной вдовой и единственной наследницей. Все знакомые полагали, что она обоснуется на Сардинии, где у ее супруга, бизнесмена Тобольцева, имелся собственный дом, но ее планы оказались совсем иными и, с точки зрения окружающих, не объяснялись никакой логикой.

Продав всю заграничную недвижимость, Инесса Леонардовна купила усадьбу, расположенную на берегу озера в восьмидесяти километрах от областного центра, потому что та якобы когда-то была родовым гнездом ее предков, графов Резановых, по преданию бывших потомками того самого Николая Петровича Резанова, любовь которого к дочери коменданта Сан-Франциско Кончите увековечена в опере «Юнона» и «Авось».

Как именно потомки Резанова оказались в их губернии, история умалчивала, но в свое происхождение Инесса Леонардовна верила свято, выйдя замуж, фамилию менять отказалась

и, едва только вступив в права наследства, тут же оказалась владелицей старой запущенной усадьбы, главный дом которой стоял практически разрушенным.

К окраине усадьбы притулилась жилая деревня на сто домов под названием Резанка, и жизнь в ней шла довольно бойко, благодаря чему до самых ворот в усадьбу сохранилась асфальтовая дорога, но средства для восстановления графского дома уходили огромные, и времени требовалось немало.

Немного подумав, Инесса Леонардовна распорядилась для начала выстроить с нуля для себя отдельный жилой дом, в котором и поселилась, чтобы лично руководить всеми остальными работами. Дом она называла флигелем и внутрь никого не впускала, уверяя, что это ее убежище.

За последующие шесть лет территория усадьбы значительно преобразилась. Здесь появились баня с гостевыми комнатами наверху, летняя кухня с открытой и закрытой террасами, небольшая часовня, освящать которую приезжал лично архиепископ, уходящий далеко в озеро причал, водоочистная станция, домики для наемных рабочих, которые приводили усадьбу в порядок, еще два таких же домика для живущей в усадьбе постоянно прислуги, подземное хранилище для выращенного урожая, теплицы и парники, огород и отапливаемый сарай, в котором держали кур, уток и индюков.

Ландшафтный дизайн разработали на самом высоком уровне, дорожки и клумбы продумали до мелочей. Первые оказались максимально удобно проложены, а вторые цвели почти семь месяцев в году, потому что растения на них были подобраны так, чтобы обеспечить цикл непрерывного цветения. Все здесь было организовано по уму, с комфортом и за очень большие деньги.

Собственно графский дом Инесса Леонардовна, за глаза называемая местными графиней, оставила напоследок, реставрация в нем велась третий год, и на данный момент продвинулась только наполовину. Особняк являл собой классический готический дом, такой же, как в комплексе исторических зданий в Петергофе. Построен он был во второй половине девятнадцатого века по тому же проекту архитектора Шарлеманя.

При реконструкции в оформлении сохранили готические элементы, в частности, оконные переплеты со стрельчатыми фрамугами и розетками, стрельчатые сандрики, пояса под карнизом, состоящие из трехлопастных арок, подвески в виде флеронов и многое другое. За аутентичностью хозяйка следила строго и денег на реставрацию не жалела, полагая ее делом всей своей жизни. Зачем ей это нужно, никто не понимал, но и не спорил. Спорить с Инессой Леонардовной Резановой было себе дороже.

Центральная часть дома с парадным входом имела третий мансардный этаж, оформленный восьмигранными башенками, увенчанными чугунными шарами. Боковые части – западная и восточная – по форме представляли собой двухэтажные башни с трехгранными эркерами на первых этажах. Средняя и западная часть на данный момент были готовы полностью. В средней на первом этаже располагались кухня, гостиная и библиотека. На втором этаже – каминный зал, домашний кинотеатр и две спальни. Третий, мансардный этаж, пока пустующий, отводился под зимний сад, но разбить его должны были только после того, как весь ремонт закончится полностью.

На двух этажах западной части располагались спальни, к каждой из которых прилагалась своя ванная комната. Спальни, как уже знала Глафира, были закреплены за постоянно приезжающими в поместье членами семьи и друзьями.

В восточной, пока частично восстановленной части дома первый этаж отводился под личные покои Инессы Леонардовны, которая собиралась рано или поздно переехать из флигеля в особняк. А второй этаж тоже состоял из гостевых спален, одну из которых хозяйка и предоставила в пользование Глафиры.

Приглашение провести в поместье три месяца было вызвано не благотворительностью, а желанием хозяйки написать книгу о своей семье, восстановив семейное древо, то самое, что восходило от Николая Петровича Резанова. Как сообщила Инесса Леонардовна маме Глафиры, наконец-то была закончена кропотливая работа в архивах, восстанавливающая всю родословную Резановых, собраны документальные свидетельства нескольких эпох, и теперь их надо было облечь в слова, написав интересное и увлекательное повествование, достойное стать продолжением знаменитого произведения Андрея Вознесенского, пусть не в стихах, а в прозе.

Брать новый заказ сейчас, пока не написана и еще не сдана книга олигарха, было, конечно, совершенно неразумно, и в первый момент Глафира хотела отказаться, отложив договоренности на следующий год. Однако, немного подумав, она все-таки согласилась приехать в Резанку, то есть в имение Резановых, разумеется, чтобы в тишине и покое загородной жизни закончить одну книгу и параллельно начать работу над другой. Если соблюдать режим дня и строгую дисциплину, то можно успеть и то, и другое, да и для работы над собственным новым романом время выкроить.

С самодисциплиной у Глафиры Северцевой все обстояло хорошо, а то, что свободного времени практически не предполагалось, так оно и к лучшему – некогда будет скучать по уехавшему на Урал любимому. Во всем остальном все складывалось тоже неплохо – Глафиру привлекали жизнь за городом, вдалеке от суеты и шума, размеренный распорядок дня на всем готовом (ни у плиты стоять не надо, ни уборку делать), свежий воздух, красивейший вид на озеро, в котором этим невообразимо теплым летом все еще можно было купаться, а также компания Инессы Леонардовны, дамы резкой, нетерпимой, но при этом очень умной и загадочной.

Во всем ее облике крылась какая-то тайна, или это Глафире, с ее писательским воображением, хотелось так думать. В общем, собрав необходимый для загородной жизни минимум удобной одежды, ноутбук, диктофон и блокнот с заметками, которые она вела во время интервью с олигархом, вчера вечером Глафира прибыла в имение и расположилась в неотреставрированной, а оттого довольно облезлой спальне на втором этаже восточного крыла.

Базовый ремонт здесь был, конечно, закончен, доски под ногами не проламывались, и штукатурка на голову не падала, свет горел, вода в ванной комнате, как уже было сказано, лилась, и батареи в случае необходимости грели. Вот только душевой кабины не было и в помине, стояла лишь старинная чугунная ванна на гнутых ножках с бронзовыми кранами, стоящая, по прикидкам Глафиры, целое состояние.

Кровать тоже оказалась старинной – широкой, роскошной, с удобным толстым матрасом, но скрипучей. Обшарпанный пол из плохо обструганных досок был прикрыт ковром – для тепла и чтобы ноги не занозить. Старинный шкаф с рассохшимися дверцами, а также трюмо с потрескавшейся амальгамой, стол, тяжелый, дубовый, накрытый плюшевой скатертью, а на нем лампа с классическим зеленым абажуром, таким, как показывают в советских фильмах. Установленный на стол ноутбук выглядел странно, словно с помощью машины времени попал в другую эпоху.

Разложив вещи в шкафу и сполоснув руки и лицо над медной раковиной с медными же кранами в ванной комнате, Глафира расчесала волосы и сбежала по лестнице вниз, надеясь, что найдет дорогу в кухню, которую ей показали четвертью часа ранее. Инесса Леонардовна ждала ее там, стоя с очень прямой спиной у узкого окна и задумчиво глядя куда-то вдаль. Глафира подошла поближе, из окна не было видно ничего, кроме нескончаемого леса.

– Когда бы вы хотели начать работу над книгой? – спросила она у хозяйки, похожей на каменное изваяние.

Та шевельнулась, словно чтобы убедить гостью в том, что не является истуканом.

– Что вы, деточка, пару дней вам нужно просто отдохнуть и проникнуться духом этого особенного места. Без этого вы не сможете выполнить свою задачу. Резановы – особый род, поэтому, пока вы не почувствуете себя частью поместья, не сроднитесь с ним, у вас ничего

не получится. Сегодня четверг, завтра к вечеру съедутся семья и гости, так что до понедельника вы сможете со всеми познакомиться и чуть лучше нас понять. Тогда и начнем.

– Съедутся гости? То есть постоянно в имении никто не живет?

– Нет, это мое убежище, – Инесса Леонардовна вдруг рассмеялась. Смех у нее был молодой, совсем звонкий, как колокольчик раскатился. – Я не очень-то люблю людей, деточка, поэтому не терплю их рядом с собой долгое время. Максимум выходные. Но семью свою люблю, поэтому регулярно ее собираю.

В кухню вошла пожилая полная женщина с улыбчивым, очень добрым лицом.

– Обед накрывать? – спросила она у хозяйки.

Та кивнула.

– Да, Клава, накрывай. Наша гостья явно проголодалась с дороги. Да и я вовсе не собираюсь нарушать режим. Глафира, познакомьтесь, это Клава, моя помощница по хозяйству, практически домоправительница. С уборкой ей, конечно, помогают две девушки, помоложе и пошустрее, но кухня и общее руководство на ней. Так что, если вам что-то понадобится, то не стесняйтесь.

– Хорошо, спасибо, – сказала вежливая Глафира. – Как мне вас называть, Клавдия...

– Да и без отчества можно, – добродушно откликнулась женщина, – меня все Клавой кличут. Я привыкла. Я, значит, по дому все решаю, а муж мой за внешние работы отвечает. Ну, газоны там покосить, водопроводчиков вызвать. Его Осип зовут. Я вас потом познакомлю. Вдруг вы рыбу захотите половить и вам удочка будет нужна, или шезлонг какой куда перенести, так это все к нему.

Клава и Осип... Любопытно. Надо признать, что имена очень подходили к окружающим декорациям. Барская усадьба девятнадцатого века плохо сочеталась бы с Анжеликой, Робертом или Нателлой. С другой стороны, готическая архитектура дома вполне допускала бы присутствие здесь домоправительницы Алтеи и ее супруга Балора, кажется, именно так звали одноглазого мифического великана.

В голове у Глафиры помещалось огромное количество полученной когда-то из книг информации, которой в повседневной жизни не находилось применения, но она упрямо всплывала при любом удобном случае. Вот откуда взялся этот самый великан Балор, скажите на милость?

– На обед сегодня винегрет с селедкой, куриный суп с фрикадельками, котлеты из щуки с пюре. К ним сметану подам, – быстрой скороговоркой говорила в это время Клава, которая не Алтея. – На третье морс из малины и черной смородины и витушки я с утра напекла.

– Витушки к чаю, Клавдия, – строго сказала Инесса Леонардовна.

Прошла от окна к большому столу, села в его главе, видимо на свое, раз и навсегда отведенное место. Прямая спина, локти не лежат на столе, все чин по чину. Глафира вдруг почувствовала себя дворняжкой, хотя раньше от отсутствия хороших манер никогда не страдала.

Клавдия споро накрывала на стол. При виде водруженной на него миски с винегретом рот Глафиры непроизвольно наполнился слюной, так вкусно это выглядело. Она села на место, которое Инесса Леонардовна указала ей царственным жестом, разложила на коленях полагающуюся белоснежную салфетку. Та была накрахмалена так туго, что даже хрустела.

– И много гостей приедет завтра вечером? – спросила Глафира, не из любопытства, а скорее из необходимости поддерживать беседу.

– Шесть человек. Те, что бывают тут постоянно. И еще один гость, которому я не смогла отказать. Форма одежды не вечерняя, деточка, если вас вдруг это волнует. Мы тут на природе, поэтому ужины у нас проходят вполне домашние. Исключение составляют торжественные приемы, но они бывают два раза в году: на Новый год и на мой день рождения. Так что не переживайте.

Глафира даже не успела подумать, что ей нужно переживать из-за наряда. Да и не брала она с собой ничего нарядного, даже в голову не пришло. От того, что ужинают здесь «по-простому», она вдруг испытала невиданное облегчение. Ой, непросто ей здесь будет, совсем непросто.

Звякнул телефон, принесся сообщение от любимого. Тот писал, что у него все в порядке, и волновался, добралась ли она до места. Его постоянная забота трогала Глафиру до глубины души. Вот именно за это, в том числе, она его и любила.

«Я на месте. Обедаю с хозяйкой дома, – коротко ответила она. – Вечером позвонишь?»

«Разумеется, как всегда», – написал он.

– Личные дела? – проницательно спросила Инесса Леонардовна, подавая Клавье знак к перемене блюд.

Тарелка из-под винегрета уплыла из-под носа, хотя Глафира намеревалась положить добавки. Винегрет был вкусный и ароматно пах настоящим подсолнечным маслом. Нерафинированным, домашним, из свежих семечек. Вместо исчезнувшей тарелки появилась другая – глубокая, с прозрачным куриным бульоном, в котором лежали три крупные, крайне аппетитные фрикадельки и домашняя лапша. Глафира невольно сглотнула.

– Да, – ответила она на вопрос хозяйки. – Личные. Мой друг уехал в командировку на три месяца, собственно говоря, именно поэтому я и смогла приехать к вам на столь долгий срок.

– Длительные командировки в последнее время стали слишком распространены, – вздохнула Резанова. – Конечно, служебное рвение я всегда приветствовала, да и деньги для любой семьи вопрос насущный, но все же так надолго уезжать из дома не совсем правильно.

Почему хозяйка имения считает командировки распространенным явлением, Глафира не поняла, но в целом с посылом была согласна.

После вкусного и сытного обеда она хотела прогуляться к озеру, но вдруг поняла, что ее неумолимо тянет в сон. Инесса Леонардовна уже покинула основной дом, сообщив, что у нее сиеста и каждый день она полтора часа отдыхает в своем флигеле. Решив, что полтора часа ничего не изменят, Глафира вернулась в свою комнату и прилегла на роскошную кровать, оказавшуюся невероятно удобной.

Для начала она провалилась «в мягкую перину», а потом сразу в сон, из которого вынырнула, разбуженная какими-то странными звуками. Над ее головой кто-то ходил. Размеренные шаги раздавались прямо над ее комнатой, хотя там не могло быть ничего, кроме чердака.

Кто-то из работников усадьбы зачем-то поднялся на чердак? Ремонтники продолжают реставрацию? У шагов наверху могло быть сколько угодно разумных объяснений, и все-таки Глафире на мгновение стало немного не по себе. Впрочем, она тут же попыталась отделаться от неприятного ощущения. Что за глупости? В разгар дня в усадьбе, в которой полно людей, не могло происходить ничего ужасного. И кто бы ни бродил по чердаку, он не нес в себе никаких угроз. Наверное, это тот самый Осип, который не Балор.

Она посмотрела на часы и порывисто села в постели. Они показывали половину шестого, а в свою комнату после обеда она поднялась без десяти два. Получается, что проспала она больше трех с половиной часов. Ничего себе!

Над головой снова раздались тихие шаги и какой-то непонятный скрип, но Глафиру они больше не беспокоили. Соскочив с кровати, она сунула ноги в тапочки, уселась за стол и открыла крышку ноутбука. Сегодняшнюю норму работы требовалось выполнить во что бы то ни стало.

Павел

На то, чтобы найти деньги, оставался максимум месяц. Где именно он их возьмет, Павел понятия не имел. Проблема усугублялась тем, что денег требовалось много, миллионов пять-

десять. Наличие двадцати миллионов ничего бы не решило, хотя и двадцать взять было катастрофически негде. И даже пять. Господи, и как же он так влип-то.

Советоваться с Марианной не имело смысла. Когда он только соглашался со строительством нового завода, она предупреждала, что это авантюра, которая обнулит все имеющиеся счета. Он тогда не согласился, потому что просчитал все до копейки. И даже на риски заложил пятнадцать процентов от изначальной сметы. Кто ж знал, что в свете новой геополитической обстановки строительные материалы вырастут в цене минимум на двадцать процентов, а новое оборудование, приобретенное в рамках инвестиционного проекта на деньги государства, придется закупать обходными путями, а потому его стоимость, с учетом изменившейся логистики доставок и обхода санкций взлетит на пятьдесят процентов!

Самое обидное, что рынки сбыта продукции никуда не делись и потенциальные покупатели, с которыми переговоры велись еще на стадии проработки проекта, были готовы исполнить свои обещания и приобретать продукцию, что называется, с колес, но только в том случае, если необходимое ее количество будет готово к отправке до Нового года. Для этого завод должен был начать работу не позднее чем через месяц, а для того, чтобы его запустить, требовалось докупить и настроить оборудование как раз на пятьдесят миллионов рублей, взять которые было совершенно негде.

Весь инвестиционный проект в целом оценивался без малого в миллиард, и терпеть полный крах из-за нехватки каких-то пятидесяти миллионов было не просто обидно, а еще и глупо. И в то же время именно этой «сущей мелочи» как раз и не было, а денег, имеющихся на счетах, хватало лишь на погашение очередного взноса по кредиту. Если не запустить завод и не получить первые доходы от покупателей, то следующий платеж делать будет нечем.

Средства, которые Павел вложил в завод, он вынул из собственного бизнеса, а еще выгреб подчистую счета Марианны, доставшиеся ей в наследство от отца. Связи старика даже после его смерти помогли пройти через горнило инвестиционного совета при губернаторе, пропихнуть заявку в Минпромторг и получить государственные средства на инвестпроект, льготные условия кредита и земельный участок, освобожденный от арендных платежей сроком на пять лет. Но скончавшийся полтора года назад тесть больше ничем помочь Павлу не мог. И Марианна тоже.

– Ты будешь капучино или латте? – спросила жена, входя в кухню, где Павел маялся у окна, не зная, как решить стоящую перед ним проблему. С крыши, что ли, броситься?

Жена была свежа как майская роза и очень хороша собой. Вся, от кончиков тщательно покрашенных и уложенных волос до нежных пальчиков с безупречным педикюром. Стоя на пороге сорокалетия, Марианна не выглядела больше чем года на тридцать два, и, надо отдать ей должное, это оказалось возможным в первую очередь благодаря прекрасной генетике и только во вторую – косметологическим процедурам и прочим женским ухищрениям.

Несмотря на то что женаты они были двадцать лет, супругу Павел по-прежнему любил, никогда ей не изменял и считал не просто женщиной всей своей жизни, но еще и верным надежным другом. Как ей сказать, что от разорения и полной катастрофы их отделяет не больше месяца?

Пасть в ее глазах, разрушить образ человека, который всегда справляется со всеми проблемами и защищает семью от любых финансовых бурь, он боялся больше, чем просто расстроиться известием о том, что, скорее всего, они станут банкротами.

Марианна любила мужа с той давней поры, когда привела его, начинающего предпринимателя, на встречу со своим всемогущим отцом, а уважала с того времени, как он доказал и ей, и ее папе, что может с пользой распорядиться свалившимися на него связями и первоначальным капиталом и взять на себя ответственность как за саму Марианну, так и за их единственную дочь, Еленку, или Елку, как ее звали в семье. Павел не мог лишиться ни любви жены, ни ее уважения.

«С крыши, что ли, прыгнуть», – снова настойчиво прозвучало в мозгу, и он помотал головой, отгоняя наваждение. Нет, он никогда не оставит Марианну один на один с тем, что натворил. Будет сам разгребать. И хлебать неприятности и унижение полной ложкой.

– Паша, какой тебе кофе? – снова задала вопрос жена, и он сдержал рвущийся из груди то ли рык, то ли стон, потому что ее забота сейчас была для него особенно невыносима.

– Я не хочу кофе, – сказал Павел ровным голосом. – Спасибо, Марьяша.

– Нам на выходные обязательно снова ехать в Резанку? – спросила жена, предпочитающая использовать название деревни, а не поместья. Над поместьем она посмеивалась. – Признаться, мне совсем не хочется.

– Тетя Инесса нас ждет, а мне бы не хотелось ее обижать, – ответил Павел, напрягшись.

Только этого ему не хватало. В усадьбу ему нужно было попасть до зарезу, потому что это был один из способов выхода из тупика, в котором он оказался, вот только Марианне знать об этом совсем не обязательно.

– Никто никогда не хочет обижать Инессу. Удивительно комфортная у старухи жизнь, – насмешливо заметила жена, нажала на кнопку кофемашины, послышалось жужжание, и по кухне поплыл аромат хорошего дорогого кофе.

Марианна пила только дорогой кофе итальянской обжарки, и Павел вдруг представил, что после катастрофы ей придется довольствоваться дешевым кофе вместо Vergnano 1882 или Tricaffe, которые она предпочитала всем другим сортам. Нет, для того чтобы сохранить нынешний уровень жизни для своей жены, Павел готов на многое. Даже убить.

– Дело не в том, что она обидится, – сказал он, стараясь, чтобы Марианна не поняла, насколько все серьезно. – Просто ты же знаешь, насколько важны для нее все эти семейные традиции. Она осталась совсем одна, мы должны проявлять к ней внимание. Тем более что ты в курсе особых обстоятельств, которые заставляют меня быть вежливым.

– Про обстоятельства в курсе, – вздохнула жена. – Хотя, признаться, по глупой прихоти Инессы, они стали гораздо легче, чем были, когда она вступала в наследство.

С этим постулатом Павел был более чем согласен. Причуды Инессы Леонардовны обходились недешево, хотя до последнего времени он был абсолютно уверен, что любой человек имеет право тратить свои деньги так, как считает нужным. Он бы и сейчас считал точно так же, если бы сам отчаянно не нуждался в средствах.

– В общем, надо ехать, Марьяш. Тем более что мы с конца июня там не были. И погода чудесная, можно в озере искупаться, в конце лета такое редко бывает возможным, на рыбалку сходить, за грибами в лес.

– Ну, надо, так поедem, – согласилась жена. Все-таки с Марианной ему повезло, несмотря на свое происхождение и немалые личные достоинства, была она весьма покладиста. – Ты, главное, не волнуйся, Паша, а то ты в последнее время какой-то дерганый.

Знала бы она... От подобной возможности Павла продрал озноб. Нет, ему во что бы то ни стало нужно обязательно оказаться в имении в эти выходные и поговорить с Инессой. Вдруг она согласится ему помочь. Проблема состояла в том, что он понятия не имел, каким реальным состоянием она обладает. Пятьдесят миллионов у нее, конечно, были. Но вот можно ли ими распорядиться свободно или они вложены во что-то, он не знал. Равно как и захочет ли Инесса Леонардовна ему помочь. Что ж, он задаст прямой вопрос, только и всего. А для этого нужно съездить в поместье.

– Елка с нами поедет, как думаешь? – спросил он жену.

Их восемнадцатилетняя дочь любила бывать в Резанке и Инессу Леонардовну, несмотря на всю ее внешнюю суровость, любила тоже, причем искренне и взаимно.

– Спрошу, – пожала плечами Марианна. – Но думаю, что да. Она, в отличие от меня, в восторге от всей этой сельской пасторали и помещичьего быта. Так что вряд ли откажется. Во сколько планируешь выезжать?

– Думаю, часа в четыре, – отозвался Павел, лихорадочно обдумывая, когда выгоднее поговорить с Резановой, в пятницу, до сбора всех гостей, или в субботу, когда первоначальная суматоха, неизбежная при общем сборе, закончится, и все гости будут заняты своими делами. – К половине шестого будем там, до ужина останется время, чтобы искупаться, да и весь вечер будет в нашем распоряжении. Ты поговори с Елкой, удобно ли ей это.

Да, даже в самых непростых обстоятельствах он не переставал думать о комфорте жены и дочери, ибо в этом видел свой долг главы семьи. За этих двух женщин он был готов убить. Мысль пришла в голову уже не в первый раз, и Павел вздрогнул, не понимая, почему она так настырно лезет в голову. Ему не требуется никого убивать, всего-то и надо, что найти деньги и решить проблему с запуском завода. И тогда через полгода он будет с улыбкой вспоминать свою сегодняшнюю панику, липкие руки, холодные ноги, стекающие по спине капли пота, взмокший от напряжения затылок и бешено колотящееся сердце.

Хлопнула входная дверь, послышались легкие шаги, словно эльф заглянул, и на пороге кухни появилась Еленка – тоненькая, с гривой кудряшек на голове, весело вздернутым носиком, огромными, распахнутыми, словно вечно удивляющимися миру глазами, порывистая в движениях и безудержная в том, что считала справедливостью. Павел не без оснований полагал, что его единственной дочери в жизни придется нелегко.

– Мам, пап, привет. А вы чего с такими похоронными лицами сидите? Что-то случилось?

Павел тут же снова внутренне похолодел.

– Пока случилась только неизбежность завтрашней поездки в Резанку. Ты с нами?

– О, класс. Там так хорошо, – дочь закатила глаза, что выражало крайнюю степень восторга. – Да, я поеду. Инесса Леонардовна расстроится, если меня не будет, да и я давно ее не видела. Нужно же отчитаться, как проходят уроки.

Пожилая родственница действительно вот уже год оплачивала Елке частные уроки китайского языка. С чего вдруг у дочери возникла такая фантазия, Павел, признаться, так до конца и не понял, но стремление овладеть вторым иностранным языком, да еще довольно редким и сложным, Инесса Леонардовна поддержала с необычной для нее горячностью. Более того, нашла учителя и оплатила ему годовой курс, который заканчивался первого сентября. Расчет Елки был, таким образом, очевиден – отчитаться, чему она научилась, и добиться выделения транша на оплату второго года обучения. Хитрюшка и умница.

– Заодно с привидением пообщаюсь. Гостинчик оставлю. Вряд ли его без меня кто-то подкармливает.

Иногда Павел не понимал, шутит его дочь или говорит серьезно.

– Какое привидение, Елка? – спросил он.

– Ну как какое? Обычное. Ты что, не в курсе, что в графском доме привидение живет? Инесса Леонардовна тоже не верит, а я точно знаю.

– Ты что, его видела? – кажется, Марианна тоже обеспокоилась психическим здоровьем дочери.

Та засмеялась.

– Нет, конечно, оно никому не показывается. Я его только слышала. Каждый раз, когда я ночью в имении, оно стучит морзянкой то в потолок, то в оконную раму.

– И что именно говорит?

– Ма-ам, я же, в отличие от тебя, не знаю азбуки Морзе, поэтому перевести не могу, – дочь взяла с подоконника яблоко, впиалась зубами с характерным хрустом, да так, что сок брызнул.

Яблоки в этом году были крепкими, гладкими, сладкими и сочными. Год оказался урожайным, и несколько дней назад Инесса Леонардовна прислала с нарочным целую корзину.

– Поэтому оно мне постукивает, а я с ним разговариваю, – продолжала Еленка деловито. – И всегда оставляю плошку с молоком и печенье какое-нибудь.

– И что? – неожиданно заинтересовался Павел.

– Ну, потом плошка оказывается пустой, а печенье исчезает. То есть привидение принимает мои дары с благодарностью. Такая вот у нас дружба.

– Все, что ты говоришь, более чем странно, – сообщила Марианна. – Лена, ты уже достаточно взрослая, чтобы не жить в мире фантазий. Зачем ты придумала всю эту чушь?

– Я ничего не придумала-а-а, – дочь прокрутилась на одной ножке вокруг своей оси и выбросила огрызок яблока в мусорное ведро. – В особняке живет привидение, я с ним дружу и надеюсь, когда-нибудь оно мне явится. Все, горячо любимые предки, я побежала. Во сколько завтра выезжаем?

– В четыре.

– Отлично! Буду как штык.

Снова дуновение ветерка от пролетающего мимо эльфа, и Елка скрылась в своей комнате, оставив Павла и Марианну вдвоем.

– И что это было? – спросила жена чуть встревоженно. – За ней даже в детстве не наблюдалось тяги к таким рассказам.

– Не знаю, но вреда от этого никакого, – сказал Павел.

Собственные проблемы, ненадолго вытесненные из сознания разговором о призраках, навалились с новой силой, на мгновение снова сбив дыхание. Привычно и надсадно заболело за грудиной, и он испугался, что умрет от инфаркта, не успев решить поставленную задачу и оставив своих девочек в трудной ситуации. Нет, так нельзя. Нужно взять себя в руки и бороться до конца. Если поговорить с Инессой, она не откажет. Наверное.

Шаркая ногами, как будто ему было не сорок четыре, а все восемьдесят, Павел вышел из кухни и побрел в сторону спальни. Ему казалось, что голова у него сейчас взорвется и после этого уже ничего нельзя будет изменить. Как и после смерти.

Глеб

Ближайшие выходные отправлялись в конкретное место – псу под хвост. Вообще-то Глеб Ермолаев собирался провести их в уединении – в маленьком деревянном домике на берегу лесного озера, затерянного в такой глуши, что несведущий человек ни за что не найдет.

Он увидел это место совершенно случайно. Пару лет назад, уже глубокой осенью, когда Ермолаев возвращался с охоты, перевернулась лодка, и ему пришлось плыть до берега, гребя, как Чапаев, одной рукой, потому что второй он держал над головой ружье. Бросить его, даже для спасения собственной жизни, было никак нельзя, потому что ружье являлось раритетным образцом, изготовленным фирмой Chapuis Savana Rigby. Когда-то такие ружья выпускались специально для африканских сафари и использовались для охоты на опасных зверей и крупную дичь.

Стоило оно приличных денег, настолько приличных, что сам бизнесмен Ермолаев никогда бы себе не позволил потратить такую сумму ради забавы, коей, по сути, считал охоту. Но на ружье скинулись коллеги и деловые партнеры, преподнесли подарок стоимостью в двадцать пять тысяч долларов, и с тех пор Глеб охотился именно с ним, относясь к ружью как к своеобразному талисману. Охота с этой крупнокалиберной винтовкой с четырехместным карабином всегда была удачной, по крайней мере, с пустыми руками Ермолаев не возвращался ни разу.

Тот, когда перевернулась лодка, был первым. Точнее, добыча у него была и тогда, вот только пошла ко дну. Спас Глеб лишь себя и ружье, выбравшись из озера в незнакомом месте и разведя костер на берегу. Идти дальше мокрым насквозь при температуре воздуха в плюс три градуса было сущим самоубийством, а Глеб любил жизнь и заканчивать ее, да еще таким глупым способом, не собирался.

Жизнелюбия и жизнестойкости в нем было много с детства. Не очень простого, но совершенно точно счастливого благодаря бабе Дусе, приходившейся маленькому Глебу прабабуш-

кой. У нее был маленький деревянный домик, стоящий почти на лесной опушке, с кухонькой, в которой с трудом расходились два человека, и небольшой комнатой, значительную часть которой занимала русская печь.

Каждую весну баба Дуся собственноручно ее белила. Печь приходилась маленькому Глебу и кровати, и нянькой, в объятиях которой всегда было тепло, и местом для игр. Купали его тоже в печи, в которую надо было залезать, когда она остынет, хотя и не до конца. И во взрослой своей жизни, купив тот самый земельный участок на берегу озера, где он выбрался на сушу и грелся у костра, всей грудью вдыхая прелый воздух осеннего леса со сброшенной листвой и обнаженными ветвями деревьев, спокойной гладью воды, над которой крикали утки, и брусничником под ногами, он обустроил такую же точно печь.

Он купил это место, с большим запасом купил, поставив заграждения почти в двух километрах от собственно того заповедного уголка, в который приезжал, когда ему нужно было отдохнуть и очиститься душой. Теперь там стоял такой же небольшой домик, какой был когда-то у бабы Дуси, и никакие удобства Ермолаев там оборудовать не стал, потому что воспоминания требовали деревянного сортира под елками, огромной, не по размерам комнаты, печи, в которой можно было готовить самую простую, но сытную и очень вкусную еду, металлической кровати с шишечками на спинке, заправленной белыми, хрусткими от крахмала простынями, теплого ватного одеяла, сшитого из разномастных лоскутков.

У него теперь было это все, вот только мыться внутри печи он не мог, потому что попросту в нее не влезал. Не пятилетний же мальчик и не хрупкая, худенькая, согбенная годами и тяготами жизни старушка, потерявшая в войну мужа и в одиночку вырастившая четверых детей, поднявшая внуков и теперь присматривающая за правнуком. Печь он тоже белил каждую весну, хоть и было это чисто символическим жестом, а для мытья построил небольшую баню, которой у бабы Дуси не было.

Его отец, бабы-Дусин сын, справил бы, но он умер, когда Глебу было совсем мало лет. Погиб при исполнении задания, работая в уголовном розыске. После смерти отца его и отправили к бабе Дусе, и жил он в маленьком домике на опушке леса до тех пор, пока не пришлось идти в школу. И ей-богу, это были лучшие годы в его жизни.

В свой собственноручно выстроенный рай, точную копию детских воспоминаний, он наведывался, как только мог. То есть нечасто. Дела не признавали календарей, и иногда Ермолаев месяцами работал без выходных, особенно в сезон, когда можно было завести технику в лес и заготовка велась полным ходом. Он не оставлял без личного контроля ни одной мелочи, потому что именно в этом и крылся секрет успеха.

Ермолаев мог сам управлять и мульчером, и бульдозером, и древовалом, и валочно-пикетирующей машиной, и харвестером, и форвардером, и трелевочным трактором, мужики на всех участках работы его уважали, а потому безоговорочно слушались. В лесу это было важно. Там вообще существовала своя, особая иерархия отношений, которые казались чуждыми и непонятными в повседневной жизни тем, кто с лесом был не связан.

Лесники – особые люди, это знают все, кто хотя бы раз с ними сталкивался. Тут характер требуется, слабакам и понтовщикам в лесу делать нечего. Работа на тридцатиградусном морозе опасна, что и говорить, и требует не только бесстрашия, но и основательности, неспешности, умения жить и действовать с оглядкой, понимания, что всех денег не заработаешь. Да и с лесом нужно быть на «ты». На одном языке разговаривать. Ермолаев, к примеру, лесным языком владел в совершенстве. Один из его конкурентов, теперь уже бывший, всерьез считал, что ему черт люльку качал, а лесные духи в делах помогают. Что с дурака взять? Упокой господи его душу.

Впервые за руль трактора, работающего в лесу, Глеб сел, когда ему и четырнадцати не стукнуло. И спустя месяц управлялся с объемом работ ничуть не хуже вечно пьяных тридцатилетних «напарников», а даже и лучше, потому что был, в отличие от них, совершенно трезв

и сосредоточен. Это помогало уходить на том же тракторе от полицейской погони, бросив технику в лесу. Однажды, чтобы не быть пойманным, он даже загнал свой трактор в болото. Спустя три дня его четверьмя бригадами вытаскивали. На тот момент уже его бригадами. И было ему тогда двадцать два. Надо же, почти двадцать пять лет прошло, а кажется, вчера это было.

В те времена Глеб Ермолаев слыл одним из самых известных в области черных лесорубов. Его уважали, им восхищались, ему завидовали, им пугали детей, его мечтало схватить за руку все областное УВД, а он пер напролом и никогда ничего не боялся, и выходил сухим из всех переделок, оставляя далеко позади конкурентов и желающих отжать его сферу влияния. Не всегда живыми.

Сегодня Глеб Валентинович Ермолаев был серьезным бизнесменом, которому на вполне легальных основаниях принадлежало право аренды на два миллиона кубометров лесных угодий в год в их регионе, да еще в соседних областях, а также три лесоперерабатывающих производства, что суммарно составляло примерно десять миллиардов годового оборота. До начала этого года дела шли настолько хорошо, что он просто животом чувствовал, что так долго продолжаться не может.

На сигналы своего живота Глеб привык реагировать, потому как от этого когда-то зависела жизнь. Да и сейчас ничего не изменилось. Принятые им меры помогли удержать бизнес, когда случились санкции, и сейчас удачливый черт Ермолаев считался менее пострадавшим от начавшейся чехарды. Заготовка шла, предприятия работали, продажи осуществлялись, деньги поступали и не ложились мертвым грузом, а тут же пускались в оборот.

Сейчас он примеривался к еще одному очень симпатичному лесному участку, который входил в состав частных владений, а именно, в земли поместья Резановых, восемь лет назад выкупленные какой-то полубезумной старухой, намерившейся возродить дворянскую усадьбу девятнадцатого века.

Против усадьбы Глеб ничего не имел, не нужна ему была никакая усадьба. Старухе же, по его мнению, не нужен был лес, произрастающий за околицей, и он намеревался либо купить деревья на корню, либо взять землю в аренду, чтобы развернуть там лесозаготовку, не трогая, конечно, вид из дворянского окна, а также всякие там малинники-брусничники, в которые бегали по грибы-ягоды жители соседней деревни Резанки.

К местным жителям он повсюду относился хорошо, не разрушая привычную для них среду обитания. Лесом испокон веков кормилась деревня, и лишать небогатых людей последнего он не собирался. Да и природу калечить тоже. Лес был и для него кормильцем, о котором требовалось заботиться и не обижать попусту. Поэтому Ермолаев шел на дополнительные издержки, строя лесные дороги, чтобы вывозить древесину из чащи, а не с краев, рубил не у деревень, а подальше, зная, что человеческое отношение окупится сторицей. И к лесу, и к людям.

Легальный и уважаемый бизнесмен Глеб Ермолаев не собирался нужные ему угоды отжимать и угрожать старухе не думал тоже. Ему были нужны деловые переговоры по самой обычной сделке, и он, раздобыв телефон, позвонил Резановой, которую звали Инессой Леонардовной, и, представившись, попросил назначить встречу.

Она так долго молчала, что он даже подул в трубку, чего не делал уже лет тридцать. Никто давно так не делал, а он подул и торопливо, по-дурацки произнес «алло-алло», а она все молчала, но была на связи, потому что он слышал ее дыхание. У него даже мелькнуло в голове, не стало ли ей плохо в силу преклонного возраста и кому он должен в таком случае позвонить, но тут Инесса Леонардовна собралась с мыслями и пригласила Глеба приехать в поместье на выходные, чтобы на месте все посмотреть и обо всем договориться.

Признаться, он опешил, потому что не привык ездить в гости к незнакомым людям, а уж ночевать у кого-то тем более, предпочитая самостоятельно снимать номер в отеле, если дела требовали командировок. Но рядом с именем Резановых никакого отеля не было, разуме-

ется, а старуха, уверенно проговорив приглашение, просто повесила трубку, видимо, считая дело решенным.

Не ехать и отложить переговоры? Но когда он позвонит в следующий раз, она припомнит, что Ермолаев без уважения отнесся к ее приглашению. Поехать? В конце концов, чем он рискует? Проведет выходные в чужом месте и в скучной компании, зато своими глазами сможет оценить качество леса, а также деловые способности хозяйки, а если выгорит, то и заключить сделку.

Правда, ради поездки приходилось пожертвовать выходными, которые Глеб намеревался провести в своем доме на озере. Он не был там с майских праздников, а потому до дрожи в пальцах мечтал посидеть с удочкой на берегу, всей кожей впитывая окружающую тишину. Вечером он планировал напариться в бане, а потом нырнуть в прохладную воду, чистую настолько, что было видно дно до последнего камушка, а потом пить чай, заваренный с лесными травами. Только на своей заимке Глеб пил чай, наливая в блюдечко и держа его на растопыренных пальцах, шумно хлюпая, оттого что горячо, и бросая в рот колотый сахар, вприкуску, как учила баба Дуся.

– Па-ап, – хлопнула входная дверь, и в квартире появилась Тайка, обожаемая Глебом единственная дочь Таисия, двадцати двух лет от роду, живущая сейчас в Москве. Как уехала после школы поступать в институт, так и осталась, благо жить было где. Сразу же, на первом курсе, Ермолаев купил ей квартиру. – Сюрприи-и-из. Я приехала.

Она влетела в кабинет, в котором он сидел, задумчиво прикидывая планы на выходные, кинулась на шею, расцеловала. Тут же стало тепло и немного мокро. Глеб счастливо улыбнулся, обнял дочь и прижал ее к себе, сильно-сильно, но бережно.

– Сюрприз удался! Тая, как здорово, что ты приехала. Но почему все же не предупредила, а если бы я был в командировке?

– Ну, тогда я бы несколько дней пожила одна, – она засмеялась и прильнула к нему, словно котенок, положила голову на плечо. – Папа, так-то я вполне себе дееспособная, если ты не заметил.

Из сказанного Глеб Ермолаев всегда умел вычленять главное.

– А почему, в случае моего отсутствия, ты бы не поехала сначала осчастливить маму?

Его бывшая жена не была проблемой. Вернее, она входила в перечень людей, которые вряд ли осмелились бы стать источником проблем для Глеба Ермолаева. Когда-то он женился на ней, потому что успешному и удачливому бизнесмену нужна была семья. Ольга подходила на роль жены идеально: молодая, красивая, с уже довольно успешной адвокатской карьерой, она, так же как и он, была нацелена на высокие результаты, ради которых не боялась много и тяжело работать.

Они были хорошей парой. Породистой, если можно так говорить применительно к людям, а не лошадям. То, что Ольга использует его как средство и ни о какой безудержной любви говорить не приходится, было понятно с самого начала. Она и не пыталась скрыть, что вступает в брак по расчету, слишком умна была для этого.

Ермолаеву не нужны были никакие охи и ахи, во вздохи на скамейке он не верил даже в седьмом классе, когда впервые познал женщину. И было это в полуразрушенном сарае, на грязном, полусгнившем сене, с Надькой-поварихой, которая была лет на двадцать старше его. Как началось без романтики, так и продолжалось все последующие годы. Одна только чистая физиология.

Нет, за Ольгой он ухаживал, конечно, как положено. Весь конфетно-букетный период Глеб делал все что полагается, вот только страсти не было ни в одной из сторон, и все это прекрасно понимали. Оба хотели семью, детей, дом, чтобы гостям не стыдно показать, но к браку подходили как к выгодной сделке. И это существенно все упрощало, делая отношения простыми и легкими.

Они и развелись без всякой трагедии, когда все выгоды брака исчерпали себя. Карьера оказалась сделанной, бизнес состоявшимся, Тайка выросла, уехала учиться в Москву, и обязательное присутствие родителей в ее жизни не требовало, чтобы они были вместе, вполне хватало и по частям. Они развелись, и Ольга отправилась добирать того, чего ей все эти годы не хватало – простого женского счастья, когда от чувства, что ты любима, кружится голова, а от физического желания сносит крышу.

Она снова вышла замуж, кажется, то ли за учителя, то ли за преподавателя университета, Глеб не уточнял, потому что ему было все равно. Он оставил жене загородный дом в Излуках, потому что ему одному он был не нужен, а сам переехал в городскую квартиру. Деньги он по привычке переводил Ольге на карту каждое первое число месяца, хотя она со своей успешной адвокатской практикой в его деньгах не нуждалась. Ольга каждый раз вежливо отвечала «спасибо».

Перестав быть мужем и женой, они остались партнерами, друзьями и близкими людьми, так что Ермолаев даже периодически принимал приглашение приехать на ужин, и с новым Ольгиным мужем, Митей, кажется, отношения у него были не приятельские, конечно, но вполне равные. Ничего этот седеющий мужик в очках у него не отнял. Ничего из того, что было бы Глебу Ермолаеву действительно дорого.

Тайка, когда приезжала из Москвы, останавливалась то у отца, то у матери, в зависимости от того, как ей хотелось провести время – в тиши загородного поселка или в близости к ночным клубам. И Ольга, и Глеб дочери всегда были рады, но между собой ее никогда не делили. Вот еще глупости.

– А мама с Дмитрием Львовичем уехали в Турцию, – ответила на заданный им вопрос Тайка. – Ты что, забыл?

Ах да, Глеб действительно забыл, что в августе у Ольги отпуск, который она планировала провести на море.

– А у тебя тоже отпуск? – спросил он, потому что точно знал, что ответ на этот вопрос отрицательный. Отпуск у Тайки планировался в октябре, и он уже оплатил ей тур на Мальдивы.

– Взяла две недели за свой счет, – отличительной особенностью его дочери было то, что она никогда не врет, если этого можно избежать. – Решила уехать из душной и жаркой Москвы поближе к природе. Раз ты не в командировке, то побуду с тобой пару дней, а потом залягу в Излуках в гамак, периодически отлучаясь на речку.

– И с чего вдруг такая тяга к природе и непереносимость августовского мегаполиса? – Если бы Ермолаев не умел смотреть в корень, то не состоялся бы как бизнесмен.

– Па-ап, от тебя совершенно невозможно ничего скрыть, – с укоризной произнесла Тайка. – Ну да, я рассталась с Денисом, и мне нужно было уехать, чтобы как-то разобраться со своими мыслями и чувствами без его постоянных попыток появиться у меня на пороге.

Денисом звали последнее дочкино увлечение. Глеб видел его один раз. Вполне достаточно, чтобы составить свое мнение о парне. Разумеется, нелицеприятное. Тайке он ничего не говорил, считая, что его взрослая умная дочь сама во всем разберется. Получается, разобралась.

– Рассталась или поссорилась? – внес еще одно уточнение он. Любую ситуацию Глеб Ермолаев предпочитал разяснять от А до Я.

– Рассталась, – коротко проинформировала дочь.

Что ж, так и запишем.

– Я рад тебя видеть, – Глеб дал понять, что тема закрыта. – Правда, командировка у меня все-таки предвидится. Завтра я должен на три дня уехать в одно место на деловые переговоры.

– Далеко?

– Нет, в имение Резановых. Это восемьдесят километров от города. Кстати, если хочешь, я могу взять тебя с собой. Возможно, тебе будет интересно посмотреть на усадьбу девятнадцатого века, где потомки графа Резанова восстанавливают особняк в готическом стиле.

– Того самого Резанова, из «Юноны» и «Авось»? Конечно, интересно. А это удобно?

– Вполне. Я позвоню и попрошу разрешения приехать вместе с помощницей. То, что эта помощница по совместительству еще и моя дочь, вряд ли кого-то шокирует.

– Папка, ты в некоторых вопросах все-таки ужасно наивен, – Таисия звонко рассмеялась. – Все решат, что эта помощница на самом деле твоя любовница. Большинство бизнесменов именно так бы и поступили, если бы отправились на уик-энд в загородную усадьбу – взяли с собой молодую курочку. А ты попрешься с дочерью. Разумеется, это всех шокирует. Кстати, а на самом деле я не нарушу каких-то твоих подобных планов?

– Не нарушишь, – заверил Ермолаев. – Я собирался ехать туда один. И своих, как ты выражаешься, курочек, я в служебные поездки никогда не беру.

– Знаю-знаю, дело превыше всего, – торжественно произнесла Тайка, – скукота!

Резанова на вопрос «может ли он привезти с собой дочь» ответила положительно, правда, перед этим тоже долго молчала. То ли действительно была ошарашена известием, что бизнесмен предпочитает проводить время в компании дочери, а не любовницы, то ли это было ее фирменным стилем переваривания новой информации. Как бы то ни было, отобедав в пятницу в самом любимом Тайкином ресторане, где она традиционно заказывала пиццу с грушей и горгонзолой, они сели в машину и отправились в имение Резановых.

Глава вторая

Глафира

Ночью Глафира проснулась от тихих шагов над головой. А еще от стука, что ли. Ощущение было такое, будто кто-то тихонечко ударял по деревянному перекрытию. Тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук. Чем-то этот ритмичный стук напоминал азбуку Морзе, но Глафира ею не владела, поэтому и расшифровать не могла.

«Поместье с призраками...» Слова с картинки, в шутку присланной Валерой, мужчиной ее мечты, всплыли в голове внезапно и стали причиной холодка, пробежавшего по телу и заставившего встать дыбом волоски на голых руках. Черт, кажется, совсем недавно она считала, что ничего не имеет против призраков.

Глафира порывисто села в постели и строго напомнила себе, что ни в каких призраков не верит. И все-таки над головой, где не было ничего, кроме чердака, кто-то ходил и что-то стучало.

«Любопытство кошку сгубило», – так всегда говорила мама, упирая на главный Глафирин недостаток. Она действительно терпеть не могла, когда чего-то не понимала, и совала свой длинный нос везде где могла, чтобы не оставлять ни малейшей недосказанности. Вот и сейчас ужасно хотелось соскочить с кровати, сунуть ноги в тапочки, завернуться в вязаную шаль, которую ей накануне выдала Инесса Леонардовна со словами, что августовские ночи уже прохладные, и попробовать пробраться на чердак, чтобы понять, что происходит. Знать бы еще, где лестница.

Однако Глафира Северцева всегда славилась тем, что к авантюрам была совершенно не склонна. Идти одной ночью на чердак в неизвестном месте считала глупостью. Нет, привидений она действительно не боялась, поскольку в их существование не верила, но зачем-то забравшееся под крышу существо из плоти и крови могло иметь недобрые цели, а потому быть опасным.

Разумеется, благоразумие пересилило. Глафира никуда не пошла, а завернувшись в одеяло, босиком подошла к готическому окну, выглянула из него, пытаясь взглянуть в ночную темень. К середине августа белые ночи остались лишь романтическим воспоминанием. Вдалеке серебрилось под светом луны озеро, была в нем какая-то томная манкость, как в загадочной танцовщице, никогда не открывающей лица своим поклонникам. Теперь Глафире остро захотелось выйти из дома и по тропинке, вымощенной ровными кирпичиками, дойти до причала на озере, чтобы увидеть его поближе, а то и искупаться под темным ночным небом. Станные ее посещения желаний, ничего не скажешь.

Впрочем, внимание ее снова переключилось, потому что через окно, расположенное на фасаде здания, она увидела, как открылась входная дверь, та самая, расположенная в центральной части, и наружу вышел какой-то человек в темном. Он придержал дверь, чтобы она ненароком не стукнула, сделал пару шагов, обернулся и внимательно осмотрел окна. Нет, этого мужчину она никогда не видела, и это совершенно точно не Осип, муж поварихи Клавы.

Глафира познакомилась с ним после ужина. Усевшись за рабочий стол после неожиданно долгого дневного сна, она прилежно проработала до восьми часов вечера, после чего деликатно постучавшая в ее дверь молодая девушка в накрахмаленном переднике и белоснежной наколке на волосах (Глафира глазам своим не поверила, потому что до этого видела подобные головные уборы только в кино) пригласила спуститься в кухню на ужин.

– В восемь вечера? – удивилась Глафира, потому что никогда не ела в столь позднее время.

– Да, в усадьбе ужин всегда в восемь, – улыбнулась девушка. Лицо у нее было открытое и приветливое. – Меня, кстати, Ксения зовут. Ксюша. Я – горничная. Если вам что-то нужно принести или убрать, то вы меня зовите.

Глафира не совсем поняла, как именно полагается звать Ксюшу, не висевшим же у двери колокольчиком, на самом-то деле, но переспрашивать не стала. Была уверена, что никакая горничная ей не понадобится. На кухне ее уже ждал накрытый стол и восседавшая за ним Инесса Леонардовна, а также улыбающаяся Клава.

– Здешний воздух особенный, – сказала хозяйка, – все мои гости здесь отлично спят, и благодарить за это нужно именно воздух. Теперь вы поняли, Глаша, почему я сказала, что несколько дней вам придется не работать, а потратить на адаптацию? Поверьте, это пойдет вам только на пользу.

На всякий случай Глафира сочла за благоразумие промолчать, что часа полтора все-таки провела за работой. В конце концов, выкраивать время для всех проектов, чтобы ни один не страдал, ее задача, так что кичиться своей дисциплинированностью вовсе не стоит.

– Да, воздух здесь чудесный, – ответила она, ничуть не покривив душой.

– Я цыпленка потушила в яблоках и апельсинах, – сказала Клава, протягивая Глафире тарелку, исходящую ароматным духом. Та непроизвольно сглотнула слюну. – Картошечка жареная на гарнир. И салат из свежей моркови.

– Спасибо, выглядит очень вкусно.

– Клава – непревзойденный повар, – заметила Инесса Леонардовна. – Завтра, когда придут гости, вы сумеете в этом по-настоящему убедиться. И да, основные продукты мы выращиваем здесь же, в имении. И курятник у нас свой. Если на завтрак захотите яичницу, то поймете, что никогда подобной не ели. Кстати, ее можно сделать из индюшачьих яиц. Так еще вкуснее и необычнее. Или вы предпочитаете кашу?

Глафира торопливо заверила, что неприхотлива в еде и съест то, что дадут, так что завтрак оставался на выбор хозяйки. Инесса Леонардовна пожала плечами.

– Нет никакой проблемы сварить кашу и пожарить яичницу. Творог с медом или со сметаной, а также со свежими ягодами тоже есть всегда. Так что вы никого не напряжете, если просто выскажете свое предпочтение. Вы у меня в гостях, Глафира, и мне хочется, чтобы вам было комфортно.

– Мне комфортно, – улыбнулась та.

Она с аппетитом принялась за курицу, правда очень вкусную, параллельно ведя с хозяйкой беседу о музыке и в глубине души благодаря собственную маму, что может поддерживать разговор на довольно неплохом уровне. После ужина Инесса Леонардовна предложила пройти до озера.

– Вид воды очень умиротворяет, – сказала она. – Мы прогуляемся вместе, совсем недолго, а потом вернемся и будем пить чай. С бренди или коньяком, если захотите.

Алкоголь Глафира пила редко, а вот чаю ей отчего-то хотелось, быть может, потому что пить его в уличной беседке, разумеется тоже выполненной в готическом стиле – со сводчатым потолком и арками, стрельчатыми окнами и стремящимися к небу узкими элементами, украшенными декоративной лепкой с растительными мотивами, казалось необычайно стильным.

С берега в озеро уходил причал. Основательно сделанный, широкий, с мощными надежными перилами и аккуратно уложенным настилом из чуть ребристых досок, покрытых каким-то водоотталкивающим материалом, он, как и все в усадьбе, выражал надежность и хозяйский подход.

Глафира дошла до самого спуска в воду, для чего к причалу была приварена удобная пологая лесенка. Она тоже была сделана с таким расчетом, чтобы обеспечивать безопасность

пожилой уже хозяйки. Вид отсюда открывался изумительный, у Глафиры даже дыхание перехватило. Инесса Леонардовна подошла, уселась на верхнюю ступеньку, похлопала по месту рядом с собой, приглашая Глафиру сделать то же самое.

Та вдруг подумала, что, несмотря на некоторую «подвинутость» на родословной семьи, маниакальном стремлении восстановить старинный особняк в полном соответствии с его первоначальной готической архитектурой и игру в уклад настоящего дворянского имения, одежду Инесса Леонардовна носит самую обычную.

Ничего искусственного или стилизованного «под барыню» на ней не было и в помине. Ни длинных шуршащих юбок, ни блузок с жабо, ни камеи под горло. Утром, когда Глафира приехала, Инесса Леонардовна была одета в свободное платье чуть ниже колен, с короткими рукавами, прикрывающими плечи. На ужин она пришла в джинсах и белой рубашке, а отправляясь к озеру, накинула вязаную шаль.

Обычная, современно одетая, не очень молодая женщина, живущая за городом. Не было в ней ни капли искусственности или ненатуральности. А вот стиль был, и создавали его украшения – крупные серебряные кулоны, перстни и серьги, непередаваемо сочетающиеся между собой и придающие всему облику необычайную элегантность.

С дневным нарядом это был причудливой формы кулон на длинном черном шнурке и кольцо с камнем под цвет синего платья. Вечером – огромные серьги, слегка оттягивающие мочки ушей, и другой перстень, без камня, состоящий из пересекающихся прямых, закрывающий чуть ли не две фаланги безымянного пальца.

– Это старинный испанский бренд, – сказала Инесса Леонардовна, перехватив заворуженный Глафирин взгляд. Та любила эксклюзивные украшения и знала им цену. – Мне муж дарил на все праздники, когда мы еще за границей жили.

– Вы по нему скучаете? – Глафира задала вопрос и тут же выругала себя за длинный язык.

Обычно она не позволяла себе быть неделикатной. Хозяйка, впрочем, выговаривать ей не стала, да и не обиделась.

– Скучаю? Можно и так сказать, наверное. Хотя это слово в полной мере не описывает ни моих мыслей, ни моих чувств. Понимаете, деточка, хотя нет, конечно, не понимаете, вы еще слишком молоды. Чем ближе человек подходит к определенной черте, той, за которой уже нет ничего, кроме обнаженной истины, тем яснее видит все совершенные ошибки и тем сильнее жаждет гармонии. Не с миром, нет. Гармония с окружающим нас миром невозможна, он для этого слишком несовершенен, а мы слишком слабы. Я говорю о ладе с самим собой. Себе-то мы всегда говорим правду. Лишь глупцы врут самим себе, но до них мне нет никакого дела. Умные люди откровенны с собой, а потому с каждым годом все меньше себе нравятся. И основная задача состоит как раз в том, чтобы на пороге смерти помириться со своим внутренним «Я», постараться исправить то, что можно исправить, и отпустить себе грехи за то, что исправить нельзя.

Для Глафиры это было слишком мудрено. Как писатель она старалась придерживаться точных форм и ясных формулировок. Инесса Леонардовна, словно читая по ее лицу, как по открытой книге, вздохнула.

– Я же сказала, что вы не поймете. Для того чтобы понять, нужно пройти через настоящее страдание, без этого никому не открывается истина. Никому.

С точки зрения Глафиры, весь ее последний год был наполнен страданиями по самую макушечку, но и эту промелькнувшую в голове мысль пожилая женщина считала легко, будто и впрямь умела проникать в мысли.

– О, то, что вы принимаете за страдания, таковыми не являются. Что у вас сейчас? Длительная разлука? Незадавшийся любовный роман? И ваш избранник, разумеется, женат, а вы разрываетесь между нежеланием разрушать чужую семью и мечтой, чтобы он был только ваш. Нет, это не страдания. Простите меня, Глаша, но это жизненная шелуха, которая облетит,

как бывает при сушке лука. Уверяю вас, что через год вы про это все будете вспоминать с улыбкой. Вы не против, что я называю вас Глашей?

Глафира чуть сухо заверила, что не против. Рассуждения о ее личной жизни ее задели. Резанова ничего не знала ни о ней, ни о Валере, а потому не имела никакого права с такой легкостью вешать ярлыки. К тому же банальные.

– У вас чудесное имя, – продолжала Инесса Леонардовна, глядя на безмятежную гладь озера. – Очень нежное и в то же время старинное, красивое и достаточно редкое. А еще в нем, к счастью, нет ни капли пошлости.

– Никогда не задумывалась, что имена могут быть пошлыми.

– Разумеется, могут. К примеру, я всегда терпеть не могла имя Анжела. Слишком претенциозно, на мой взгляд. Или Рудольф. Впрочем, когда родившихся двойняшек называют Иван да Марья, в этом тоже есть что-то невыразимо пошрое, как во всем искусственном. Нарочитая простота тоже выглядит вычурно. Впрочем, трудно ожидать иного от фальшивых людей. Вы не находите?

Надо признать, Инесса Леонардовна была интересным собеседником.

– Вас тоже зовут не Анной Степановной, – решилась на некоторую дерзость Глафира.

Сидящая на ступеньке пожилая дама захлопала в ладоши.

– Браво, я так и знала, что вы умеете кусаться. Только выглядите тихоней. Но это временно, пока не освоились. Правильно. В жизни нужно уметь давать отпор. Моя бабушка по отцу назвала своих сыновей Леонард и Менелай. Ни больше ни меньше. Так им и пришлось идти по жизни. Да еще с фамилией Резановы. А мне имя дал папа. Не поверите, деточка, в честь Инессы Арманд. Надо признать, к ее фамилии это имя подходит больше.

– Я до этого встречала только одну Инессу, – призналась Глафира. – Журналистку «Курьера» Инессу Перцеву. Хотя у нее это псевдоним, по паспорту она Инна.

– Муж звал меня Инной. На слух это звучало как Ина. Все тридцать лет, что мы прожили вместе, он только так меня и звал. Вы спросили, скучаю ли я по нему? Пожалуй, больше всего я скучаю именно по звучанию моего имени. Вообще по звуку его голоса. По тому, как он звучал длинными вечерами, которые мы проводили, сидя на террасе нашего дома на Сардинии. Сидели, смотрели на море и разговаривали обо всем на свете. Как жаль, что самое главное я так и не успела ему сказать. Вернее, я просто не хотела к этому возвращаться. Помните... «Пусть мертвое прошлое хоронит своих мертвецов». Я была уверена, что мои мертвецы засыпаны песком времени надежно. И только с возрастом начала понимать, что исправлять ошибки прошлого никогда не поздно. Также как никогда не поздно взять за них ответственность. В прошлом всегда нужно искать ключ к событиям настоящего. Вот что я поняла со всей определенностью. Впрочем, именно поэтому я вас и наняла. Чтобы написать книгу, в которой я обо всем расскажу.

– Я думала, это будет книга о Резановых. От Николая Петровича и до наших дней, – осторожно сказала Глафира.

– И о Резановых тоже, хотя прямая ветвь, идущая от Николая Петровича, прервалась очень давно, – Инесса Леонардовна вдруг рассмеялась. – Глашенька, я вовсе не так безумна, как может показаться на первый взгляд. Я не помешалась на истории рода Резановых. Я хочу написать книгу о себе, своей жизни, своих поступках и мотивах, которые к ним привели. И история Резановых нужна только затем, что она многое в этих мотивах объясняет.

Глафира по-прежнему мало что понимала, но тут их интересный разговор был прерван доносившимися с озера криками. Крики были вполне мирными, хотя и нецензурными. Раздавались они из надувной лодки, которая, отчалив от видневшегося далеко слева края озера, плыла явно к их причалу. В лодке находились двое – парень и девушка, и громкие вопли, обильно перемежаемые отборным матом, были всего лишь дружеским или любовным, трудно разобрать, разговором.

К мату Глафира относилась спокойно. В совершенстве владея русским языком, она была уверена, что применяемый к месту и в определенных дозах мат помогает точнее донести мысль, ставит смысловые точки и, как это ни странно, иногда даже придает разговору изящество. К примеру, одна из подруг ее мамы, известный адвокат и крайне интеллигентная женщина, ругалась матом так утонченно, что это даже ласкало слух.

Разносящаяся сейчас над озером и усиленная легким эхом брань была грязной, площадной, совершенно не изящной, а грубой и примитивной, как топор. Инесса Леонардовна огорченно сморщилась. Не обращая внимания на находящихся на пирсе женщин, старую и молодую, гребец, молодой парень лет шестнадцати-семнадцати, уверенно направлял лодку прямо к нему. Не переставая общаться со своей разбитной подружкой, он дотянулся до одной из свай, обмотал вокруг нее веревку и теперь подтягивал лодку, чтобы выбраться наверх.

– Молодые люди, а могу я поинтересоваться, что вы сейчас делаете? – спокойно спросила Инесса Леонардовна.

– Хотим с пирса понырять, – ответил парень. – Искупаться.

– А разрешения спросить не хотите?

– На то, чтобы искупаться? Озеро общее. Оно вам не принадлежит.

– Озеро – да, – согласилась Резанова. – А пирс – нет. Это моя частная собственность.

– Можно мы искупаемся? – спросила девица.

Глафира с интересом смотрела на нее. В свои шестнадцать-семнадцать лет та имела как минимум десять лишних килограммов веса. Жидкие волосенки, свисающие по сторонам плоского лица, покрытого веснушками. Узкий лоб, близко посаженные маленькие глазки. «Дитя окраин», – так называл подобную породу людей Валера. Необразованная девочка, не прочитавшая в своей жизни ничего, кроме букваря.

– Купайтесь, – кивнула Инесса Леонардовна, и Глафира удивленно воззрилась на нее. Не ожидала она от довольно суровой Резановой, которую, как она знала, местные за глаза называли графией, подобного гостеприимства.

Парень, подтянул лодку и вылез на пирс, ловко перебравшись через перила. Девочка встала, чтобы последовать его примеру.

– Вы куда? – безмятежно спросила Инесса Леонардовна.

– Так вы же разрешили.

– Я разрешила вам купаться, потому что запретить не могу. Поэтому садитесь в свою лодку, отплывайте и купайтесь на здоровье. А на свою территорию я вас не приглашала.

– Но мы хотим понырять.

– Ваши проблемы, какое мне дело, чего вы хотите. Главное, чего хочу или не хочу я. А я хочу, чтобы вы отсюда убрали свои задницы.

Парень насупился и промолчал. Глафира вдруг испугалась, что он сейчас начнет задираться, чтобы выглядеть героем в глазах своей девушки. Что они будут делать, если он, например, полезет в драку? Она тревожно оглянулась на возвышающийся вдалеке дом. Услышат там или не услышат? Придет кто-нибудь на помощь или нет? Может быть, нужно сбегать и кого-нибудь позвать, но как оставить пожилую женщину одну?

– Игорь, пойдем, в другой раз поныряем, – подала голос девочка из лодки.

– Ладно, Лизка, – неожиданно согласился он.

Видимо, парень просто не знал, как себя вести, когда тебе дают вежливый, но решительный отпор. Привык брать нахрапом, а вот то, что называется «работа с возражениями», явно не его.

Он перелез обратно через перила пирса, прыгнул в лодку, которая опасно накренилась под его весом, испуганно ойкнула Лиза, принялся отвязывать свою веревку.

– Я позволю себе высказать тебе одну мысль, милочка, – Инесса Степановна обращалась теперь именно к девушке. – Видишь ли, наша жизнь так устроена, что женщина очень

сильно зависима от мужчины. Даже если она состоялась как профессионал, даже если зарабатывает больше и может прокормить себя и своих детей, хотя это точно не твой случай, она все равно зависит от мужчины. В нашей стране так было и так будет. Уровень жизни, ее направление и успех определяются тем, какой именно мужчина рядом с тобой. Так вот никогда за всю твою длинную бессмысленную жизнь рядом не будет настоящего мужчины. Такого, на которого можно смотреть открыв рот, и благодарить судьбу, что она подарила этого человека.

Лодка разворачивалась, медленно отдалялась от пирса, и Инесса Леонардовна повысила голос. Теперь он резкий, сухой, звонкий, безжалостный разносился над озером, как совсем недавно площадная брань.

– Ты никогда не встретишь настоящего, мужественного, гордого, бесстрашного и любящего тебя человека, готового положить к твоим ногам весь мир. Да-да, в твоей жизни не будет мужчин, только многочисленные трахальщики. – Она упомянула более крепкое, нецензурное слово, которое в ее устах было точным и уместным, как метко запущенный камень. Тебя не будут любить и баловать, только иметь и оплодотворять. И жить ты будешь как тупое животное, способное только надсадно работать и размножаться, спариваясь с таким ничтожеством, как этот, в лодке. Жалко тебя, хотя ты так тупа, что этого не заслуживаешь.

Ее слова были злыми, жестокими даже. Но Глафира прекрасно понимала, что именно Резанова имеет в виду. Если в шестнадцать лет ты катаешься по озеру в лодке с мальчиком, который разговаривает с тобой исключительно матом, и тебя это устраивает, то и все остальные мужчины в жизни вряд ли будут читать тебе Шекспира и Шиллера. *Similis simili gaudet*. Подобное притягивает подобное.

Лодка быстро отдалялась от берега. Мальчик Игорь греб энергично, словно пытался убежать от злых и колких слов, разносимых над водной гладью. И он, и девочка Лиза молчали. Хотя по выражению лица одного и напряженной спине другой было понятно, что ничего хорошего они об оставшихся на пирсе женщинах – старой и молодой – не думают.

– Инесса Леонардовна, помощь нужна, подсобить чего?

Глафира повернулась на голос и с изумлением воззрилась на поспешавшего к пирсу очень крупного мужчину с черной повязкой на одном глазу. Что, мифический великан Балор действительно существует, и именно здесь, в Резанке?

– Нет, Осип, спасибо, мы уже сами разобрались, – ответила Инесса Леонардовна и легко поднялась со ступеньки, отряхивая джинсы. – А теперь идем пить чай. Предупреди, пожалуйста, Клаву.

Значит, это и есть Осип, муж поварихи и домоправительницы. Надо же, как верно Глафира его представила. И правда одноглазый.

Но не Осипа Глафира видела в окно сейчас, ночью, покидавшим особняк. Она прислушалась, но странные шаги над головой стихли, так же как и стук, похожий на азбуку Морзе. Странно и непонятно все это, но вряд ли опасно. Скорее всего, у происходящего есть объяснение, причем совершенно простое. А вот использовать идею с мистическими стуками и шагами в одном из следующих романов вполне можно.

Не откладывая в долгий ящик, Глафира подошла к столу, открыла тетрадь для записей, которые всегда вела во время работы, долистала до последней страницы и написала на ней «Дом с привидениями. Странные шаги и стук над головой». Что ж, теперь она про это не забудет. Все, что писательница Северцева видела или слышала, рано или поздно использовалось. «Все в топку», – так объясняла она знакомым.

Захлопнув тетрадь и положив ее на место, она снова подошла к окну и выглянула наружу. Тихо и пустынно было там. Часы на столе – старинные, очень тяжелые, позолоченные, с пятью ангелочками и вьющейся виноградной лозой – показывали половину второго ночи. Глафира вернулась в постель и тут же уснула.

Светлана

Зеркало на туалетном столике показывало то, что она не хотела видеть. В нем отражалась уставшая и, к сожалению, уже не очень молодая женщина, внешность которой лучше всего описывалась словами «остатки бывлой красоты». Именно остатки, сколько денег ни трать на косметолога.

Деньги... В них крылась вся проблема. Они были очень нужны, а взять их оказалось нигде. Почти нигде. Имеющимся единственным выходом Светлана предпочла бы никогда не пользоваться, но что делать, если ничего другого не остается. Как говорится, не мы такие – жизнь такая.

Она отбросила в сторону пушистую кисть, которой прошлась по лицу, нанося пудру. На кровати, раззявив нутро, лежал чемодан, в который надлежало упаковать вещи для поездки. Никогда раньше Светлана не ездила в усадьбу с чемоданом, предпочитая стильные и удобные сумки, но в этот раз чемодан был необходим, и она с отвращением поглядывала на него, оттягивая начало сборов, словно именно он был виноват в том, на что она почти решилась.

Светлана закрыла глаза, то ли для того, чтобы случайно снова не увидеть свое отражение, то ли чтобы вызвать откуда-то изнутри ненависть, способную помочь сделать последний оставшийся шаг и переступить черту, из-за которой уже не будет возврата. Основная проблема заключалась в том, что ненависти не было. Ни тогда, ни, тем более, сейчас.

– Лана, детка, нам нужно кое-что тебе рассказать. – Да, это сказала мама, когда, проснувшись довольно поздно, почти в полдень, она спустилась со второго этажа и, шлепая босыми ногами по плиткам пола, пришла в кухню, чтобы позавтракать. Чмокнула в щеку маму, потом стоящего у подоконника отца. – Ты присядь, детка.

Четырнадцатилетняя Лана обычно фыркала на «детку», потому что считала себя взрослой, но что-то в маминой интонации было такое, что качать права не хотелось. А еще отец, несмотря на разгар рабочего дня, был дома, и это тоже казалось странным и отчего-то тревожным. О чем родители собираются сообщить? О том, что вопреки ее воле все-таки собрались отправить в какую-то закрытую школу для детей партийной элиты в Подмосковье? О том, что кто-то из них болен? Или мама ждет второго ребенка? Или отца уволили и их безбедная жизнь закончилась?

Нарочито медленно наливая себе молоко, чтобы оттянуть неизбежное, Лана прислушивалась к себе, чтобы понять, какого развития событий боится больше? Против братика или сестрички она ничего не имела, уволить отца не могли, потому что был он очень умным, в пансионат она откажется ехать наотрез, а родителям известно, в кого она пошла своим упрямством, так что главное, чтобы все были здоровы.

Убрав пакет с молоком в холодильник, Лана со стаканом в руках села к столу, потянула салфетку, покрывающую горку аппетитных оладий. Мама с утра нажарила.

– Ну, и что именно я должна узнать? – спросила она достаточно спокойно, откусив один ароматный оладушек. – Очень вкусно.

– Мы с мамой разводимся, – отрывисто бросил отец. – И решили, что будет правильно, если мы вдвоем тебе об этом скажем.

– Вы с мамой что? – не поняла Светлана, аккуратно макнула оладушек прямо в стоящую на столе вазочку с брусничным вареньем, сунула в рот и даже зажмурилась от удовольствия.

– Света, не притворяйся, что не услышала или не поняла, – с досадой сказал отец. – Поверь, что маме и так достаточно трудно.

Маме? А ему, получается, легко? Она отложила оладушек, который вдруг показался резиновым.

– Родители, это что, не шутка? Вы действительно разводитесь?

– Да, детка, – мама улыбалась дрожащими губами. Не хотела пугать дочь. – Но на тебе это никак не скажется.

– На вас обеих это не скажется, – отец разговаривал сердито, как делал всегда, когда чувствовал, что виноват. – Светка будет учиться там, где хотела, вы останетесь в этом доме, я положу вам ежемесячное содержание, которого вам обеим точно хватит на безбедную жизнь. Вы никогда не будете ни в чем нуждаться. Обе.

Даже тогда, в четырнадцать лет, Светлана понимала, что дело не только в деньгах. Да и обманул, получается, ее тогда отец, если сейчас, спустя почти сорок лет, она все-таки нуждается, да так отчаянно, что впору идти на преступление.

– Могу я узнать, почему вы разводитесь? – спросила она тогда.

– Спроси отца, – мама повернулась и вышла из кухни.

– Пап?

– Я встретил другую женщину и собираюсь на ней жениться, – хмуро ответил тот. – Я вас обязательно познакомлю. Убежден, что она тебе понравится. Она удивительная.

Больше всего Светлану тогда поразило выражение его лица. Оно было какое-то просветленное. Потом она узнала, что его лицо всегда становилось таким, когда он смотрел на Инессу или просто думал о ней. Инесса ей, кстати, действительно понравилась. На пятнадцать лет моложе отца, она не выглядела совсем уж юной в свои тридцать лет. И вообще дело было не в том, что она выглядела сильно моложе мамы, нет. В ней просто было что-то такое, что цепляло глаз, заставляло не отводить взгляд. Ее хотелось рассматривать снова и снова.

Красивой, в полном смысле этого слова, она не была, но некоторая неправильность черт придавала лицу особую выразительность, а глаза – глубокие, темные, почти черные – словно приглашали на экскурсию в богатый внутренний мир, которым, без сомнения, обладала эта женщина.

Она была очень образованной: говорила на трех языках, разбиралась в музыке, литературе, живописи и архитектуре не на обывательском, а на вполне себе экспертном уровне, прекрасно играла на рояле. Когда Светлана вместе с отцом и его новой женой путешествовала по Европе, то с открытым ртом внимала Инессе на бесконечных экскурсиях, с которыми та блистательно управлялась без всякого экскурсовода.

Она помогала Светлане с математикой и физикой на экзаменах, она написала за нее реферат по французской литературе, когда та поступила в Сорбонну. Благодаря отцу, работавшему во Внешторге, это было возможно. Она быстро и профессионально подбирала образы, безошибочно тыкая пальцем в нужную одежду в эксклюзивных фирменных бутиках, и при этом сама, будучи совершенно равнодушной к нарядам, одевалась у молодых испанских дизайнеров за сущие копейки, собирая такие элегантные коллекции, что ей вслед оборачивались на улице.

Но главным достоинством Инессы было то, что она глубоко и истово любила своего мужа, Алексея Тобольцева, Светланиного отца, превратившегося после развала Союза в крупного бизнесмена. И за эту искреннюю любовь Светлана, для которой отец был главным в жизни человеком, была готова простить Инессе все. Вот только прощать было решительно нечего.

Инесса не лезла в отцовский бизнес, но всегда была готова помочь, если тот с ней советовался, и ее советы, Светлана знала, были уместными и полезными. Она идеально вела дом, гостеприимный и хлебосольный, открытый для друзей, когда это было необходимо, и полностью приватный, только для двоих, когда отцу хотелось тишины и уединения.

У них с отцом не было общих детей, но Инесса прекрасно ладила со Светланой, а потом, когда пришла пора, с ее малышами, которые проводили с Инессой и дедом практически все каникулы. Почему вторая жена отца не родила, Светлана не знала. Один раз она пробовала спросить, но папа, обычно мягкий, отбрил ее так, что она больше не совалась. За Инессу отец был готов убить.

Потом, когда его уже не было в живых, а прошлое поросло быльем, смягчающим любую боль, она однажды рискнула задать этот вопрос самой Инессе, но та только печально улыбнулась, сказав, что каждый расплачивается за свои грехи как может. Светлана тогда решила, что отцовская жена имеет в виду сделанный в молодости аборт, но уточнять не стала.

В целом, Инесса Резанова была вполне себе приличная баба, и за тридцать лет, которые она прожила с ее отцом, не сделала ничего, за что Светлане стоило ее ненавидеть. Пожалуй, исключением могла стать история с наследством, но тоже не стала, поскольку проблемы со здоровьем у отца начались лет за пять до кончины. Он перенес первый инфаркт, после которого привел все свои дела в порядок.

Все, что он считал нужным оставить своей единственной дочери, он переоформил на Светлану и ее детей еще при жизни, предусмотрительно дождавшись очередного ее развода. Замужем она была трижды, и после последней попытки признала, что «это не ее». У нее был свой гостиничный бизнес, не очень крупный, но вполне успешный. Два из четырех отелей в разных городах были оформлены на отца, и он перевел их на нее. Сейчас сетью рулил Светланин старший сын.

Также на дочь Алексей Тобольцев переписал дом в Париже, довольно дорогой, а внукам подарил коллекцию живописи, которую собирал последние десять лет, выписывая картины со всего света. Оценивалась она в баснословную сумму. После этого и Светлане, и ее детям было сообщено, что на наследство они могут не рассчитывать, в завещании их не будет.

Они не рассчитывали, и после смерти выяснилось, что все движимое и недвижимое имущество он действительно оставил только Инессе. Ее решение продать всю заграничную недвижимость и вложиться в покупку и восстановление древней усадьбы в глубинке казалось странным, но протеста у семьи не вызвало. В конце концов, ее деньги, может делать с ними все, что считает нужным.

В последние десять лет Светлана серьезно увлеклась астрологией. Настолько серьезно, что создала свой сайт и практиковала в качестве астролога, астропсихолога и астроколумниста. Отец, когда еще был жив, подсмеивался над этой ее страстью, но считал увлечение безвредным. Светлана окончила Тибетскую школу астрологии и Международную школу хорарной астрологии и на постоянной основе давала консультации, предсказывая жизнь и судьбу по звездным картам.

Хобби приносило не только удовольствие, но и неплохой доход, вот только сейчас никакие звезды не могли помочь Светлане в свалившейся на нее беде. Ей нужны были деньги, довольно много, и если в любой другой ситуации она могла бы попросить их у сына, который, как правило, никогда ей не отказывал, то в нынешнем положении рассказать обо всем детям было совершенно невозможно.

Именно по этой причине она не могла продать квартиру в Париже. Адвокат, занимающийся всеми финансовыми делами, был семейным, скрыть факт выставления недвижимости на продажу ни за что бы не удалось, а быть пойманной с поличным Светлана не хотела. Не могла. Оставался только один путь. Совершенно безумный и, более того, преступный.

Звезды впервые в жизни не давали ясного ответа, стоит ли ей претворять свой план в жизнь. Именно в эти выходные намечался пик метеорного потока Персеиды – лучшее время, чтобы изменить жизнь к лучшему. Более того, именно в этом году данное явление давало отличную синергию с силой планет и звезд. Персеиды, как известно, сильно воздействуют на человеческое сознание, помогают осознавать и принимать свои слабые стороны. Ну и что? О своих слабостях и тайных пороках Светлана знала и так.

С другой стороны, звезды обещали, что поток наполняет силой и уверенностью, помогает избавляться от нерешительности, а также от вредных привычек. Что же тогда? Наполниться уверенностью, что все задуманное получится и никто ни о чем не узнает, или понадеяться, что

вредная привычка рассеется как дым и больше не будет мучить ее, заставляя делать то, на что Светлана еще совсем недавно была совершенно неспособна?

– Это судьба, что я еду в поместье именно в эти дни, – пробормотала она, – я сделаю то, что должна, а звезды помогут мне очистить карму и избавят от страстей. Это знак, что все правильно. Как всегда. Как всегда.

У нее зазвонил телефон, вырвав Светлану из тягостных раздумий. Она покопалась на туалетном столике, вытащила аппарат из-под наваленных там журналов по астрологии, мельком глянула на экран, нажала на кнопку ответа.

– Да, Машунька.

Звонила дочь, окончившая Вагановское училище и служащая теперь в балете Мариинского театра. Главных партий ей, конечно, пока не давали, но и кордебалет она давно уже переросла. Девочка талантлива и воли ей не занимать. С двенадцати лет живет одна, добивается поставленной цели. Молодчина, что скажешь.

– Привет, мамочка, – журчал в трубке веселый голос дочери. – Как ты там? Ко мне в Питер не собираешься?

– В поместье собираюсь, – вздохнула в ответ Светлана. – К Инессе.

– А чего так грустно? Ты же ее любишь, Инессу. – Ее девочка всегда различала нюансы материнской интонации, а потому тягостное настроение услышала. Нехорошо это. Неправильно. – Или что-то случилось?

– Да ничего не случилось. Все хорошо. Просто я бы, правда, лучше к тебе в Питер приехала. Засиделась я тут, в глуши.

– Так приезжай.

– У меня пока дела, доченька. – Последнее было чистой правдой. Никак не могла Светлана бросить все и свалить из города. Сначала нужно было найти деньги. А для этого съездить в чертову усадьбу. – Но я обязательно к тебе приеду. Просто чуть позже.

– Я скажу Ваньке, чтобы подготовил твой самый любимый номер.

Ванькой звали сына, и он действительно к ее приезду в город на Неве готовил номер в одной из семейных гостиниц, в котором она останавливалась, чтобы не стеснять своим присутствием дочь.

Им принадлежала целая сеть отелей, к которой сын добавил еще и гостевые дома, когда она, Светлана, уже отошла от дел, сосредоточившись на астрологии и помогая сыну лишь изредка.

– Ладно, мамуль, я побежала. Еще созвонимся. Поедешь в усадьбу – передавай Инессе привет. И Мурзика обними за меня, ладно?

– Я твоего Мурзика терпеть не могу, ты же знаешь, – в сердцах сказала Светлана. – Вообще не понимаю, зачем ты это существо Инессе подсунула.

– Потому что Инесса добрая и никогда не бросит того, с кем случилось несчастье, – рассудительно сообщила дочь.

Светлана, пригорюнившись, соображала, относится ли сказанное к ней, и если да, то, может, удастся обойтись без преступления? Она вспомнила, с каким лицом Инесса выговаривала ей в прошлый раз, когда проступок не удалось скрыть, и поняла, что нет, не обойдется. Милость к павшим тоже имеет свои границы.

– Ладно, Маш, беги по своим делам, – снова вздохнула она. – Приветы передам. И Инессе, и Мурзику. А потом, недели через две приеду. Ты меня жди.

– Я тебя всегда жду, ты же знаешь, – засмеялась дочь и отключилась.

Положив телефон на место, Светлана снова невидяще уставилась в зеркало. Да, если она хочет, чтобы дети ни о чем не узнали, ей придется сделать то, что она задумала. Тем более что звезды обещают, что получится обставить все как надо и не попасться.

Она снова с ненавистью покосилась на чемодан, словно это он был виноват в том, что Светлана Тобольцева пала так низко. Чемодан вел себя как ни в чем не бывало. Тяжело вздохнув, Светлана поднялась с кресла и начала складывать вещи, которые предстояло взять с собой в поместье.

Кирилл

Итак, ему предстоит поехать в усадьбу. Впервые за долгое время. В последний раз он был там, ну да, в прошлом декабре, когда устанавливал дополнительные камеры. Что поделать, если Инесса на них просто помешалась. С другой стороны, это действительно удобно – иметь возможность в любое время видеть, что происходит на всей территории усадьбы. А она небольшая.

Кроме того, паранойей тетя Инесса не страдает и извращениями тоже не балуется, так что в спальнях камер, конечно, нет. А вот территория «простреливается» вся, и это довольно удобно. И деревенских мальчишек, повадившихся воровать клубнику, вычислили, и попавшую в медвежий капкан собаку спасли, и за строителями, ремонтирующими дом, присмотр есть постоянный. Те, как поняли про камеры, так и филонить стали гораздо меньше.

Монтажом систем видеонаблюдения Кирилл занимался профессионально, так что сделал все на совесть и без наценки. Инесса ему родня все-таки. Тогда она еще с ним разговаривала. В декабре, когда он приезжал кое-что обновить и поставить несколько новых камер, они так душевно пили чай с вареньем, его любимым, из райских яблок. А в новогодние каникулы, которые он провел в Италии, все и случилось.

Напели Инессе про то, какой он, Кирюша, подлец. Настроили против него, да так сильно, что вот уже больше полугода старуха его видеть не хочет. И спрашивается, что он такого сделал? Можно подумать, он первый в мире мужик, который так поступил. Да и сама Инесса разве без греха? Она же в молодости женатого мужика из семьи увела. Да и до этого была в ее жизни какая-то мутная история, о которой в семье не принято говорить.

Они с теткой по телефону тогда знатно поругались. Инесса – языкатая. Да и он, Кирилл, тоже за словом в карман не лезет. И не родился еще тот человек, который может заставить его сделать то, что он не хочет, не считает нужным. В общем, тетка тогда сказала, что, если он не может себя вести как мужик, значит, она сама за него все сделает. И запретила показываться ей на глаза. То есть приезжать в усадьбу. Да он в свете открывшихся обстоятельств и сам туда не рвался.

До того, как все это случилось, Кирилл даже не представлял, что может так злиться. Он, конечно, знал, что слишком эмоционален. Водился за ним такой грех. Но чтобы ярость заливала мозг вязкой черной субстанцией, которая консервирует все мысли и чувства, кроме пожирающего изнутри гнева, такого он раньше не помнил.

Когда он только думал о том, что случилось, так сразу впадал в какое-то странное состояние, словно душа у него отделялась от тела. В первый раз, когда это произошло, он очнулся от боли и обнаружил, что вдребезги разнес зеркало в ванной. Кулаки были сжаты так судорожно, что он не сразу смог их разжать, а по побелевшим костяшкам текла ярко-алая кровь.

Он, оказывается, порезался, и боль, приведшая его в чувство, была именно от порезов, а он и не помнил, как ударил по зеркалу, представляя, что бьет в лицо. Красивое, чуть надменное, женское лицо. Ужас какой. Никогда до этого Кирилл не думал, что способен ударить женщину. То, что на месте женщины было всего лишь зеркало, никак не умаляло глубины его падения.

Он не ездил в усадьбу, чтобы не впасть в неконтролируемую ярость и не переступить черту, из-за которой уже не будет возврата. Кирилл знал, что тетка рано или поздно его простит, потому что она вообще была отходчивой, легко относясь к чужим недостаткам. Он был

самым младшим в семье, и на нем она во многом реализовывала свой материнский инстинкт, охотно возилась с ним в выходные, брала на каникулы и даже иногда на море.

Он словно видел ее, сидящей в пляжном шезлонге в широкополой шляпе из соломки. Шляпа была дурацкая, ее то и дело уносило ветром, и Кирюша, тогда подросток, бегал за ней по всему пляжу, а один раз даже выловил из моря. Шляпу они тогда сушили, натянув на трехлитровую банку, с которой ходили за квасом, но она все равно скособочилась от соленой морской воды, и тетка выбросила ее без всякой жалости, хотя дядя Леша притащил эту шляпу из Италии, в которую ездил по делам бизнеса.

Тетя Инесса вообще всегда легко относилась к вещам. Еще легче, чем к чужим недостаткам. Именно о них они тогда и говорили на пляже. Он тогда узнал, совершенно случайно, что мама изменяет отцу, и не знал, куда деваться с этим знанием, свидетелем которого стал, просто оказавшись дома у случайного друга и увидев в окно, как мама вышла из соседнего подъезда с каким-то незнакомым мужчиной и целовалась с ним перед тем, как сесть в такси.

Кирилл мучился, не зная, рассказать отцу или нет, дать понять матери, что знает, или промолчать. И промаялся недели две, пока тетя Инесса не увезла его на море, в Сочи. И там в один из дней он взял и все ей выложил, потому что эта постыдная тайна разъедала его изнутри.

– Тебя пугает, что твои родители могут развестись? – проницательно спросила тогда тетка.

И он вдруг понял, что именно этот вопрос и волнует его больше всего, хотя, казалось, он про возможный развод даже не думал. Понял и кивнул головой, мучительно стесняясь того, что глаза его наполняются слезами. Кирилл нагнулся и стал разгребать крупную гальку под шезлонгом, чтобы Инесса не увидела его стыдных детских слез.

– Не бойся, Кир. Они совершенно точно не разведутся, – сказала она просто, и было в ее словах столько уверенности, что он забыл про слезы и уставился ей в лицо, прекрасное в своей безмятежности.

– Почему? Откуда ты знаешь?

– Твоя мать – очень умная женщина. И поверь, она крайне ценит тот уровень достатка и комфорта, который ей обеспечивает мой брат, твой отец.

– Но зачем тогда этот козел, с которым она целовалась?

Инесса рассмеялась и поворошила волосы у него на голове. Кирилл не любил этот жест, но сейчас стерпел, потому что ему было важно понять.

– Для приключения. Любой женщине хочется быть желанной. Хочется, чтобы за ней ухаживали, ее добивались. Ей хочется романтики, а еще привкуса риска. Совсем небольшого, чтобы не стало по-настоящему страшно. Твоя мама засиделась дома, ей скучно, вот она и устроила себе маленькое приключение. Поверь, ничего серьезного.

– То есть ты об этом знаешь, – догадался Кирилл. – Ты в курсе про этого мужика, поэтому-то и уверена, что мама не уйдет к нему от папы.

– Не уйдет, потому что твой отец – директор крупного завода, а этот человек – тренер, фактически учитель физкультуры. Это не любовь, а интрижка, которая скоро закончится. Правда, скорее всего, ей на смену придет какая-нибудь другая.

– А у тебя тоже есть интрижка? – догадливо спросил Кирилл. – Тем более что мама и папа ровесники, а дядя Леша намного старше тебя. Тебе, получается, тоже нужен риск и приключения?

Тетка рассмеялась и снова потрепала его по голове.

– Мне – нет, – сказала она, вдруг став серьезной. – Во-первых, потому, что таких мужчин, как Алексей, больше нет. Мне и в голову не придет ему изменять, потому что рядом с ним все мужчины кажутся мне лилипутами, мельтешащими под ногами у Гулливера. Читал?

Кирилл машинально кивнул.

– А во-вторых, все свои приключения на задницу я в этой жизни уже получила. Наигралась досыта, – в ее голосе вдруг появилась непонятная Кириллу горечь. Он снова посмотрел тетке в лицо, но она отвернулась, и оно оказалось закрыто полями ее невозможной шляпы. – Так что мне больше не надо ни риска, ни острых ощущений. Мне ничего и никого не надо, кроме моего мужа.

– Тетя Инесса, но это же подло. То, что делает мама. Подло по отношению к папе.

Она повернулась и теперь смотрела Кириллу прямо в лицо, не отводя глаз.

– Не знаю, поймешь ли ты то, что я сейчас скажу. Но если нет, то просто постарайся запомнить. Видишь ли, мой мальчик. Любой человек неидеален. Все мы делаем в этой жизни ошибки. Все принимаем непростые решения, способные кого-то задеть или обидеть. Все! А потому не имеем никакого права судить за них других людей. А уж казнить – тем более.

– Так уж и все, – позволил себе усомниться двенадцатилетний Кирилл. – И ты? И дядя Леша?

– И я. Никто не может меня осудить за мои ошибки больше, чем я сама себя казню. И дядя Леша. Он, чтобы жениться на мне, ушел из своей первой семьи. В результате, он счастлив, и я тоже. Но это счастье построено на чужом, украденном. Я хотела быть счастливой и разрушила чужую семью. Твоя мать тоже просто хочет быть счастливой, при этом ничего не разрушая. Так что я не могу ее судить. И ты не суди. Хорошо?

Кирилл тогда пообещал, что не будет. И мама до сих пор не знала, что он в курсе той давней истории, а потом еще парочки, которые, права была тетка, действительно случились. И к недостаткам других людей он, исполняя завет Инессы, всегда относился легко. И, признаться, не очень понял, почему же это она так сильно разгневалась на него, что фактически отказала от дома.

Его толерантная тетка осудила и казнила, и в этом крылась какая-то тайна, которую ему против воли хотелось разгадать. Вот только возможности не было, потому что Инесса отказывалась с Кириллом разговаривать. Не брала трубку, когда он звонил, чтобы поздравить с праздниками, не отвечала на сообщения. Он плюнул и перестал писать, потому что унижаться не собирался даже перед ней. И вот, спустя семь с половиной месяцев, Инесса позвонила ему сама и попросила приехать в усадьбу.

– Мне надо с тобой поговорить, – сказала она каким-то странно-напряженным голосом.

И Кирилл вдруг испугался, что она смертельно больна и хочет сообщить об этом.

– Что-то случилось? – спросил он хрипло. – Ты здорова, тетя?

– Абсолютно, – она фыркнула, как делала всегда, когда ей казалось, что она слышит глупости. И у него сразу отлегло от сердца. – Со мной все в абсолютном порядке, не считая того, что я, кажется, выжила из ума.

Он засмеялся, потому что не было на свете более вменяемого человека, чем его тетка. Об этом он ей и сказал.

– Разумеется, выжила, – добавила она мрачно. – Если позволила обвести себя вокруг пальца. И это притом что я всегда считала, что вижу людей насквозь. Но это не телефонный разговор. Ты приезжай, пожалуйста, в эти выходные. Я объявила большой сбор, так что со всеми повидеаешься. Заодно и поговорим. Кирилл, я тебе честно скажу, что мне не нравится то, что происходит. С камерами что-то странное.

То есть она решила с ним помириться, чтобы он проверил камеры? Он не верил своим ушам, потому что на тетку это было совсем не похоже.

– Если бы я верила в мистику и потусторонний мир, то я бы сказала, что в доме завелось привидение. Но я – убежденный материалист, поэтому происходящему есть какое-то другое объяснение.

Кирилл снова начал тревожиться. Может быть, Инесса все же больна? Какие еще, к чертям собачьим, привидения? Этот вопрос он, не сдержавшись, задал вслух. Тетка засмеялась.

Ее смех звучал звонко, как всегда. Нет, она не может впасть в старческий маразм. Кто угодно, но не она.

– А вот приедешь, и я тебе покажу, – сказала она. – На одной записи видно фигуру в белом, которая идет по дому, в котором в тот момент никого не было. Зато в тот момент, когда мы точно там были, камера показывает пустое помещение. Я бы сказала, что в доме живут привидения. Если бы в них верила.

В сказанном не было смысла. Вот просто ни капли.

– Я приеду и разберусь, – пообещал Кирилл. – Только пообещай, что ты меня выслушаешь.

– Обещаю, – твердо сказала тетка. – Кирилл, тебе о многом придется мне рассказать. И этот разговор вряд ли будет для тебя приятным, но ты прав. Нам давно надо было поговорить.

Глава третья

Глафира

В пятницу Глафира проспала. Это было совершенно невероятно, потому что из-за бессонницы она уже несколько месяцев просыпалась в пять утра, а то и раньше, то есть за час-полтора до привычного звонка будильника, но факт оставался фактом. Когда она открыла глаза, вычурные старинные часы на столе показывали половину девятого. Глафира схватила с прикроватной тумбочки телефон. Да, так и есть. Восемь тридцать две.

Для того чтобы не выбиваться из графика, в восемь утра ей следовало уже сидеть за столом и работать над книгой про олигарха. С восьми до десяти это, потом два часа на сбор материала на книгу о Резановой, после обеда свой собственный роман, который издательство ждет через два месяца, а он, вот ужас, готов только на четверть. И вместо того, чтобы встать в шесть, позавтракать и придерживаться жесткого графика, она дрыхнет без задних ног.

Конечно, хозяйка усадьбы ясно дала понять, что до понедельника они к совместной работе не приступят, но это вовсе не повод с первого дня так непростительно распускаться. Что ж, завтра она поставит будильник, только и всего. Глафира спустила ноги с кровати, нащупала тапочки и прислушалась. Нет, над головой никто не ходил, зато с улицы раздавался какой-то мерный рокот. Выглянув в окно, Глафира поняла, что это включен автоматический полив растущих перед домом деревьев.

Быстро собравшись, она спустилась вниз и прошла на кухню, где хлопотала у плиты Клава.

– Доброе утро!

– Доброго утречка, доброго, – приветствовала ее домоправительница. – Хорошо спалось на новом месте?

– Да, спасибо, просто отлично. Все на свете проспала. И завтрак тоже.

– Да почему же это? – Клава искренне удивилась подобному заявлению. – Вот сегодня гости приедут, так завтра завтрак начнется с шести утра и до самого полудня. У всех режим разный, и Инесса Леонардовна к этому с пониманием. Вы что кушать будете?

– Да что есть, то и буду, – стесняя Клаву Глафира не собиралась. – Вы же уже обед готовите?

– Обед. И ужин. Народу-то приедет немало, так что нужно заранее озаботиться. А насчет завтрака, есть каша пшенная с тыквой. Всю ночь в печи стояла и еще теплая. Сырники нажарены, целая миска. И на сегодня, и на завтра, значит. Могу со сметаной подать, могу с медом или с вареньем, какое пожелаете. Ну, и яичницу пожарить могу. Хоть из куриных яиц, хоть из индюшачьих.

Яичницу, как на грех, хотелось очень сильно и именно из индюшачьих яиц, крупных, с ярко-желтым желтком. О такой яичнице ей как-то рассказывал Валера, у которого кто-то из родственников жил за городом и разводил индюшек. Сама Глафира никогда ее не пробовала. Но Клава готовила сразу несколько блюд и на большую ораву гостей. Нет, некрасиво отвлекать ее от дела. Наверняка яичницу можно будет попробовать завтра, а сегодня обойтись кашей. И сырниками. Так она Клаве и сказала.

Женщина ловко накрыла на стол, на котором появились плетенка с хлебом и аппетитными булочками, масленка, тарелочка с сыром и ветчиной, мисочка с ароматной апельсиновой кашей, сахарница, еще одна тарелка, на которой лежали три сырника, кофейник, молочник со сливками, вазочки со сметаной, клубничным, черносмородиновым и брусничным вареньем,

медом и бутылочка с кленовым сиропом. На все про все у Клавы ушло не больше двух минут. Глафира невольно залюбовалась, как ловко мелькают ее полные, в ямочках руки.

– Как у вас красиво получается. И быстро.

– Так долго ли умеючи, – Клава рассмеялась, видно было, что похвала гостыи ей приятна. – Я в своем деле профессионал, до того, как к Инессе Леонардовне попала, поваром работала.

– В ресторане?

– Нет, в кафе. У нас с Осипом свое семейное кафе было. Точнее, мотель. Для дальнотбойщиков. Нас все водители знали, потому что вкусно было и недорого. Все к нам спешили, даже если для этого лишний десяток километров нужно было проехать.

– Здорово. А почему закрылись?

Ей показалось, или по лицу Клавы прошла какая-то тень. И когда она научится держать язык за зубами и не ставить людей в неудобное положение?

– Пожар был. Сгорело все. И кафе, и номера, и наша квартира над ними. Остались мы и без бизнеса, и без жилья. А муж еще и без глаза. Пришлось работу с проживанием искать. И нашли. Тут, в усадьбе. Оба при деле, и я, и Осип.

– Ужас какой, – искренне сказала Глафира.

– Ужас не ужас, а поджог это был. Злой умысел.

– Чей?

– Официально не нашли чей. Хотя особо и не искали. Да и неважно это. Какая разница, если все равно жизнь по-новому пошла. Инесса Леонардовна любила к нам заезжать, выпечка ей моя нравилась и шашлыки, которые Осип жарил. Всегда говорила, что за такую кухарку, как я, можно многое отдать. Так по итогу и вышло. С декабря мы тут. Уж обжились на новом месте. Да ладно, что это я заболталась совсем. Вы кушайте, пока не остыло.

Глафира с аппетитом принялась за еду, потому что с ужина, разумеется, успела проголодаться. Да и воздух местный явно улучшал не только сон, но и аппетит. Нет, хорошо, что она решила сюда приехать.

– А Инесса Леонардовна где? – спросила она, попробовав кашу и зажмурившись от удовольствия. Божественно вкусно.

– В кабинете. Во флигеле своем. Она до обеда всегда делами усадьбы занимается. Хозяйство-то большое.

Хлопнула дверь, и в кухню вошла горничная Ксения, все так же одетая в белый передник поверх серого платья и наколку на голове. Эта дань духу старинной усадьбы почему-то царапала Глафиру. В фартуке и наколке было что-то не то, хотя она и не понимала почему. Может, оттого, что с современным гелевым маникюром они явно не вязались.

– Клавдия Никитична, я закончила кровати застилать. К приезду гостей все готово. Какие-то особые распоряжения будут?

– Так, дай подумаю. На первом этаже Павлуша с Марианной, раз, Еленка – два. Наталья – три. В спальню первым нужна вода без газа, а девочке, наоборот, с газом. Наталья же воду вообще не пьет, ей нужен холодный чай, причем обязательно в бутылке с поильником. На втором этаже одна комната для Светланы, вторая для Кирюши. Ей нужно графин с березовым соком поставить, она любит. А Кириллу в комнату кока-колу.

– Я знаю, я поставила уже.

– Ну, положим, про Светлану ты знаешь, потому что она приезжала уже при тебе, а про Кирилла откуда? Он тут с прошлого года не был.

– Клавдия Никитична, так вы мне и говорили, когда инструкции давали, как комнаты готовить. Вы что, запомнили?

– И то правда. Третья спальня на втором этаже западного крыла, в которой обычно Маша ночует, в этот раз пустует. Так, а здесь на втором этаже гость этот расположится, бизнесмен который, а во второй комнате дочка его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.